

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
имени А.В. Полетаева

НАУКИ
О ЧЕЛОВЕКЕ
ИСТОРИЯ
ДИСЦИПЛИН

Составители и ответственные редакторы
А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева

Издательский дом Высшей школы экономики
МОСКВА, 2015

УДК 3
ББК 60
Н34

Текст монографии подготовлен при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011–2013 гг.

Рецензенты:

доктор философских наук, главный научный
сотрудник Института философии РАН *Н.С. Автономова*;
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории дискурса
и коммуникации филологического факультета МГУ *Т.Д. Венедиктова*

Науки о человеке: история дисциплин [Текст]: коллект. моногр. / сост. и
Н34 отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа
экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 651, [5] с. —
300 экз. — ISBN 978-5-7598-1209-8 (в пер.).

Коллективная монография посвящена анализу проблематики дисциплинарности, которая в XXI в. вновь активно привлекает внимание исследователей. В книге по-новому освещены вопросы преемственности в гуманитарных и социальных дисциплинах, перераспределение фундаментальных и прикладных сфер в этих областях, обмен идеями и концептуальными моделями между различными научными сообществами. Авторы исследования — ученые из России, Франции, США, Швеции и других стран — всесторонне раскрывают проблемы истории и социологии социогуманитарного знания, обращаясь к мало изученным ранее вопросам академической иерархии и механизмам вытеснения «миноритарных» направлений, явным и теневым практикам закрепления приоритета тех или иных дисциплин и школ.

Издание адресовано широкому кругу исследователей — историкам, социологам, философам, культурологам, специалистам по науковедению, истории науки и истории идей, а также преподавателям высших учебных заведений и студентам гуманитарных специальностей.

УДК 3
ББК 60

ISBN 978-5-7598-1209-8

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт гуманитарных историко-теоретических исследований, 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

Приложение © WarburgInstitute, 1950

Глава 4 © Duke University Press, 1999
Глава 10 © Duke University Press, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. <i>А. Дмитриев.</i> Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках.....	7
РАЗДЕЛ I. Порядки и структуры знания: от гуманизма к Просвещению	39
Глава 1. <i>П. Соколов.</i> Генеалогия метода в науках об историческом мире	41
Глава 2. <i>Ю. Иванова.</i> «История идей» и «гражданская наука»: границы дисциплинарности в раннее Новое время	53
Глава 3. <i>Н. Осминская.</i> Всеобщая наука, энциклопедия и классификация наук в ранней философии Г.В. Лейбница.....	74
РАЗДЕЛ II. Золотой век дисциплиностроительства	103
Глава 4. <i>Л. Дастон.</i> Дисциплинирование дисциплин: академии и единство знания	105
Глава 5. <i>П. Резвых.</i> Мифология как предмет и дисциплина в романтической <i>Altertumswissenschaft</i>	124
Глава 6. <i>В. Боярченков.</i> Наука русских древностей в первой половине XIX в.	157
Глава 7. <i>В. Берелович.</i> Морфология зачина: жанр предисловия к очерку русской истории (от Татищева к Багалею)	187
Глава 8. <i>М. Тисье.</i> Высокостатусная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX — начале XX в.....	207
Глава 9. <i>Г. Юдин.</i> Наукоучение Эдмунда Гуссерля и кризис теории разделения наук	240
Глава 10. <i>И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семёнов.</i> Российская социология в имперском контексте	263
Глава 11. <i>А. Ясницкий.</i> Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX в.....	299

Глава 12. <i>А. Филиппов</i> . Советская социология как полицейская наука.....	330
Глава 13. <i>Р. Тоштендаль</i> . Дисциплины и специалисты в практических профессиях и в исследовательской деятельности (ок. 1850–1940 гг.).....	349
РАЗДЕЛ III. «После дисциплин» или новая дисциплинарность?.....	373
Глава 14. <i>Г. Юдин</i> . Социология профессий и социология как профессия.....	375
Глава 15. <i>Б. Степанов</i> . «Как беззаконная комета...»: культурные исследования в поисках академической идентичности.....	389
Глава 16. <i>И. Савельева</i> . Публичная история: дисциплина или профессия?.....	421
Глава 17. <i>В. Файер</i> . Академический сепаратизм: лингвистика и языкознание в Московском университете.....	452
Глава 18. <i>М. Дёмин</i> . Дилемма профессии: советские институты и современная университетская философия в России.....	483
Глава 19. <i>Р. Капелюшников</i> . Стратегии поведенческой экономики.....	508
Глава 20. <i>О. Кирчик</i> . Транснациональные иерархии и локальные порядки знания в экономике.....	543
Глава 21. <i>А. Дмитриев, О. Запорожец</i> . Дисциплинарный принцип и аналитика «общества знания».....	569
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. А. Дмитриев.	600
ПРИЛОЖЕНИЕ. А. Момильяно. Древняя история и любители древностей (1950).....	604
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	649

*Памяти
Андрея Владимировича Полетаева
мы с благодарностью посвящаем эту книгу*

ВВЕДЕНИЕ

Дисциплинарные порядки

в гуманитарных и социальных науках

Эта книга посвящена дисциплинарности и разным формам ее реализации в развитии наук о человеке. Под дисциплинарностью мы понимаем характерную и устойчивую взаимосвязь определенной области знания (той или иной науки в ряду прочих), специфической образовательной ячейки (особого института, факультета или кафедры/департамента) и отдельной сферы занятий (некоторой академической профессии, специальности). Дисциплинарность может выступать и как *принцип* указанного соединения компонентов, и как определенный исторический и социальный *феномен*, характерный именно для современных обществ. Дисциплина при этом осознается как явление множественное: в отличие от мудрости, знания или науки вообще, каждая дисциплина никогда не тотальна, она партикулярна. Охватывая собственную, выделенную по особым характеристикам сферу, она всегда существует только в ряду прочих дисциплин.

Предлагаемая вниманию читателей монография — попытка общего описания эволюции разных отраслей знания именно как дисциплин, академических или университетских. Это подразумевает и анализ отдельных дисциплин на определенном отрезке их эволюции, и обращение к более систематическим проблемам дисциплинарного развития. Формат *дисциплинарного* устройства наук давно кажется представителям социогуманитарного знания первичным, или само собой разумеющимся: самоидентификация ученых, рубрикация книг и академической периодики, номенклатуры специальностей или набор университетских департаментов/факультетов привычно строятся в самых разных странах или сообществах по базовым блокам, соответствующим спискам наук, которые непременно включают философию, историю, науку о языке и т.д. Между тем правомочность и полнота этих списков не раз подвергались сомнению и ревизии (особенно с 1970-х годов), а сам дисциплинарный подход при более детальном рассмотрении, как будет продемонстрировано далее, обнаруживает свою историческую локализацию¹. Ведь, по мнению большинства исследо-

¹ Применительно к школьным «предметам» см.: *Chervel A. L'histoire des disciplines scolaires. Réflexions sur un domaine de recherche // Histoire de l'éducation. 1988. No. 38. P. 59–119; Goodson I.F. School Subjects and Curriculum Change. Case Studies in Curriculum History. L.: The Falmer Press, 1987; The Formation of School Subjects. The Struggle for Creating an American Institution / T.S. Popkewitz (ed.). L.: The Falmer Press, 1987* и обзор: *Viñao A. Les disciplines scolaires dans l'historiographie européenne. Angleterre, France, Espagne // Histoire de l'éducation. 2010. No. 125. P. 73–98.*

вателей, он становится ключевым принципом организации науки не раньше первой половины XIX в.², а прежние системы дифференциации знания соотносятся со знакомым нам дисциплинарным делением лишь отдаленно. «Свободные искусства» Средневековья³ и исходное членение университета по факультетам⁴, специализация гуманистических штудий⁵ и само понятие *disciplina* (не имевшее поначалу явных ученых коннотаций⁶), а также многочисленные способы классификации знания, изобретения или переизобретения новых отдельных наук, особенно популярные в раннее Новое время, — все это было только предвосхищением нынешнего, *социально определенного* устройства «древа познания».

Дисциплины складываются в период так называемой второй научной революции в рамках университетов, благодаря системе специализации, работе семинариев и лабораторий⁷. Ведущей страной этого процесса в «долгом девятнадцатом веке» принято считать Германию⁸, хотя для Великобритании маркером дисциплинарного деления может считаться появление в 1810–1830-е годы университетских департаментов (помимо традиционных

² См.: History and the Disciplines. The Reclassification of Knowledge in Early Modern Europe / D.R. Kelley (ed.). Rochester, NY: The University of Rochester Press, 1997; Valenza R. Literature, Language, and the Rise of the Intellectual Disciplines in Britain, 1680–1820. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, а также статью руководителя авторского коллектива, подготовившего шеститомную историю Гумбольдтовского университета в Берлине к его 200-летию юбилею: Tenorth H.-E. Genese der Disziplinen — Die Konstitution der Universität. Zur Einleitung // Geschichte der Universität Unter den Linden. Bd. 4. Berlin: Akademie Verlag, 2010. S. 9–40.

³ См. сборник: The Seven Liberal Arts in the Middle Ages / D.L. Wagner (ed.). Bloomington: Indiana University Press, 1983 и известную статью: Weisheipl J. Classification of the Sciences in Medieval Thought // Mediaeval Studies. 1965. Vol. 27. P. 54–90.

⁴ Schneider J.H.J. Wissenschaftseinteilung und institutionelle Folgen // Philosophy and Learning. Universities in the Middle Ages / M.J.F.M. Hoenen, J.H.J. Schneider, G. Wieland (eds). Leiden; N.Y.; Köln, 1995. P. 63–121. О кантовском «споре факультетов», за которым еще, по сути, не стояло дисциплинарных различий, см. статьи Рикардо Поццо: Pozzo R. Kant's Streit der Fakultäten and Conditions at Königsberg // History of Universities. 2000. Vol. 16. P. 96–128; Pozzo R., Oberhausen M. The Place of Science in Kant's University // History of Science. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 353–368.

⁵ Grafton A., Jardine L. From Humanism to the Humanities. Education and the Liberal Arts in Fifteenth and Sixteenth-Century Europe. L.: Duckworth, 1986.

⁶ См.: Augustine and the Disciplines: From Cassiciacum to Confessions / K. Pollmann, M. Vessey (eds). Oxford: Oxford University Press, 2005.

⁷ Cohen I.B. Revolution in Science. Cambridge, MA.; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1985. P. 91–102.

⁸ О Берлинском университете начала 1810-х годов см.: Ziolkowski Th. Clio the Romantic Muse: Historizing the Faculties in Germany. Ithaca: Cornell University Press, 2004.

колледжей или факультетов)⁹. Во Франции это была деятельность академий и специализированных высших школ¹⁰. И все же связь с прошлыми делениями знания и представление о традициях научного описания человеческого мира были и остаются до сих пор существенными — и потому нам представляется в книге особенно важным подчеркнуть исторические истоки дисциплинарности, нередко упускаемые из виду ее исследователями (в первую очередь теми, кто занят социальными, а не традиционными гуманитарными дисциплинами).

Сам выбор сюжета этой коллективной монографии нуждается, на наш взгляд, в некотором разъяснении. Почему именно феномен научной дисциплины и дисциплинарность как таковая заслуживают детального анализа? Каким этот анализ может и должен быть, и наконец, что это означает — думать о дисциплинарности здесь, в России, и сейчас, в начале XXI века? Эти вопросы, а главное, ответы на них важны не только для довольно узкого круга специалистов по истории или социологии науки. Тема дисциплинарности, объединившая авторов нашей книги, охватывает практически все стороны бытия науки, а не только внутренний ход ее развития, который был в центре внимания классического науковедения (от «Истории научных идей» Уильяма Уэвелла середины XIX в. до «Структуры научных революций» Томаса Куна)¹¹.

Главная особенность книги — соединение углубленного историко-научного анализа, опирающегося на классические работы по истории идей раннего Нового времени (в духе традиции Аби Варбурга или Арнальдо Момильяно), с социологическим подходом и новейшими достижениями историографии социальных наук. В горизонте социологии знания мы будем опираться на работы широкого исследовательского диапазона от известных трудов Фрица Рингера или Пьера Бурдьё до функционалистских исследований Нормана Сторера или Ричарда Уитли. В соответствии с этим в книге по-новому освещены вопросы преемственности в гуманитарных и соци-

⁹ *Burke P.* A Social History of Knowledge. Vol. I: From Gutenberg to Diderot. Cambridge: Polity, 2000. P. 91–92 (ch. 5: Classifying Knowledge: Curricula, Libraries and Encyclopaedias).

¹⁰ *Delmas C.* Instituer des savoirs d'État. L'Académie des sciences morales et politiques au XIXe siècle. P.: L'Harmattan, 2006; *Fox R.* The Savant and the State: Science and Cultural Politics in Nineteenth-Century France. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2012.

¹¹ *Yeo R.* Defining Science: William Whewell, Natural Knowledge, and Public Debate in Early Victorian Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Snyder L.J.* Reforming Philosophy: A Victorian Debate on Science and Society. Chicago: University of Chicago Press, 2006. В материалах авторитетного сборника о Куне (Thomas Kuhn / Th. Nickles (ed.). Cambridge, U.K.; N.Y.: Cambridge University Press, 2003) показано, что в своих работах Кун при главном внимании к эпистемологии последовательно обращался и к проблематике практики, социальных порядков, концептуальной метафоры в науке, открывая новые пути ее понимания.

альных дисциплинах, перераспределение фундаментальных и прикладных областей, обмен идеями и концептуальными моделями между различными дисциплинарными и национальными академическими сообществами.

Нам представляется, что ведущим путем рефлексии проблем дисциплинарности в гуманитарном знании должен быть путь исторический, позволяющий увидеть, как складывались базовые представления о дисциплинах, их специфических методах, сфере анализа, формах соединения — и противопоставления — друг относительно друга. Именно этот ведущий исторический принцип будет реализован авторами монографии в рамках базовых науковедческих подходов: эпистемологического, социологического, включающего организационно-институциональный анализ, культурологического и антропологического (изучение дисциплинарных практик).

Во введении особое внимание будет уделено не только процессу разделения социогуманитарного знания на разные отрасли (и науки), но и более короткой истории осмысления самого принципа дисциплинарности. Однако начать этот обзор кажется целесообразно не *ab ovo*, от истоков, а с указания на ситуацию той самой современности, которая и формирует запрос на новые комплексные исследования дисциплинарного развития. Исходным пунктом здесь будет обращение к естественно-научным и социогуманитарным версиям реализации дисциплинарного принципа.

1. Дисциплинарность в науках о природе и науках о человеке

В отличие от наук о природе, науки о человеке (разные отрасли знания о человеческом мире, а также взаимосвязи между ними) куда реже становятся предметом целостного рассмотрения, которое бы одновременно учитывало действие исторических, социологических и эпистемологических факторов¹². Ведь наука как таковая (начиная с XIX в. и до сих пор) нередко по умолчанию ассоциируется с естествознанием, и большинство общих теорий научного развития, которыми мы располагаем на сегодняшний день, ориентированы именно на дисциплины природоведческие¹³.

¹² См. важные работы середины 1990-х годов об общем соотношении наук о природе и наук об обществе: *The Natural Sciences and the Social Sciences: Some Critical and Historical Perspectives* / I.B. Cohen (ed.). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993; *Cohen I.B. Some Contacts between the Natural Sciences and the Social Sciences*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1994.

¹³ *Dierse U. Das Begriffspaar Naturwissenschaft — Geisteswissenschaft bis zu Dilthey // Kultur verstehen. Zur Geschichte und Theorie der Geisteswissenschaften* / G. Kühne-Bertram, H.-U. Lessing, V. Steenblock (Hrsg.). Würzburg: Königshausen & Neumann, 2003. S. 15–34; Hermann

Нужно также указать, что речь о науке и научности в современном мире заходит чаще всего в связи с англоязычным понятием *science*, которое отнюдь не всегда включает традиционный круг занятий гуманитариев (для общего обозначения которых нередко употребляется английское слово *scholarship*¹⁴). В смысле этой многоохватности наше понимание наук о человеке (*human and social science*) ближе к немецкому *Wissenschaft*, которое применяется и к естественным, и к гуманитарным наукам¹⁵ (а дисциплина как профессия передается по-немецки как *Fach*). Соответственно историко-филологическое знание, философия и т.д. в английском словоупотреблении передается также общим понятием *humanities* (близко к упомянутому выше *scholarship*)¹⁶. Стоит также учесть важную акцентировку в современном понимании *human sciences* — по аналогии с *social sciences* — именно *модерного* компонента, связанного с антропологией, социальной географией и важнейшей ролью психологии и наук о поведении (то же касается и французского *sciences de l'homme*)¹⁷. Для изучения дисциплинарности в гуманитарных науках, на наш взгляд, недостаточно простого переноса объяснительных моделей из опыта изучения наук естественных. Как учесть специфику и разнообразие знаний о человеке в перспективе анализа дисциплинаризации и выстроить обобщающий нарратив, избегая и соблазна мерить их меркой только «строгого знания», и разного рода редукциониз-

von Helmholtz and the Foundations of Nineteenth-Century Science / D. Cahan (ed.). Berkeley: University of California Press, 1993; *Lenoir T.* Instituting Science: The Cultural Production of Scientific Disciplines. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997.

¹⁴ History of Scholarship: A Selection of Papers from the Seminar on the History of Scholarship Held Annually at the Warburg Institute / C.R. Ligota, J.-L. Quantin (eds). Oxford: Oxford University Press, 2006.

¹⁵ Это осознавалось уже в конце XVIII столетия: *Meyer A.* Von der Wahrheit zur Wahrscheinlichkeit: Die Wissenschaft vom Menschen in der schottischen und deutschen Aufklärung. Tübingen: Niemeyer, 2008. S. 46–50.

¹⁶ О генезисе современных представлений о «humanities», преимущественно в американском изводе, см.: *Harpham G.G.* The Humanities and the Dream of America. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

¹⁷ В XVIII и XIX вв. в Европе аналогом современных наук о человеке был комплекс моральных и политических наук; знаменитое немецкое понятие *Geisteswissenschaft* появилось в переводе (1849) «Системы логики» Дж.Ст. Милля (1842) именно как аналог *moral sciences* (и было позднее детально разработано у Дильтея в его «Введении в науки о духе» (1883)). См.: *Makkreel R., Luft S.* Dilthey and the Neo-Kantians: The Dispute Over the Status of the Human and Cultural Sciences // *The Routledge Companion to Nineteenth Century Philosophy* / D. Moyal (ed.). L.: Routledge, 2010. P. 554–597; *Makkreel R.* The Emergence of the Human Sciences from the Moral Sciences // *Cambridge History of Nineteenth-Century Philosophy* / A. Wood, S.S. Hahn (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 293–322.

ма? Современная эпистемология науки должна принимать во внимание особенности концептуальной работы и типизации в различных гуманитарных областях, которые выступают также и средствами дисциплинарных разграничений и самоорганизации форм познания¹⁸.

Очень показательно, что сам дисциплинарный принцип организации знания далеко не сразу, а лишь примерно с 1990-х годов становится одной из ведущих тем современного науковедения. Как показывает история, базовые основания развития той или иной науки и научного знания в целом нечасто становятся предметом специального и детального рассмотрения. Эту закономерность (или парадокс) уже более полувека назад особо отметил Томас Кун, который в начале 1960-х отнес рефлексию над основаниями к периодам революционной смены парадигм, нарушающей привычный ход накопления знания в рамках «нормальной науки». В этом смысле изучение дисциплинарности как *формы институционализации знания* — по «нормальной модели» (исследовательская область — специальности — дисциплина), предложенной Норбертом Маллинзом и Ричардом Уитли еще в середине 1970-х годов¹⁹, — уже явно не позволяет охватить сложность современного и исторического деления наук о культуре или наук о природе (см. подробнее в заключительной главе монографии о социологических трактовках дисциплинарности).

Дисциплинарность, безусловно, является одним из таких фундаментальных принципов деления поля знания, в том числе социального и гуманитарного. Означает ли нынешнее обостренное внимание к дисциплинарности, что само развитие наук о человеке в XXI в. вступает в революционную стадию развития, период турбулентности и потрясения основ? Скорее, большинство оценок современной ситуации в гуманитаристике указывает на длительное теоретическое затишье, наступившее после периода обновления середины 1960 — начала 1980-х годов. Это нештатное (выходящее за рамки куновской модели) обострение рефлексии над базовыми принципами, в частности внимание к дисциплинарности, на достаточно стабильной фазе когнитивного развития дополнительно указывает на невозможность прямо-

¹⁸ Kellert S.H. Disciplinary Pluralism for Science Studies // Scientific Pluralism / S.H. Kellert, H.E. Longino, C.K. Waters (eds). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006. P. 215–230; Biagioli M. From Relativism to Contingentism // The Disunity of Science: Boundaries, Contexts, and Power / P. Galison (ed.). Stanford, CA: Stanford University Press, 1996. P. 189–207.

¹⁹ Whitley R. Sociology of Scientific Developments // Perspectives in the Sociology of Science / S.S. Blume (ed.). Chichester: J. Wiley, 1977. P. 21–50; Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты. М., 1980. С. 218–257; Маллинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии // Научная деятельность: структура и институты. М.: Прогресс, 1980. С. 257–282.

го проецирования закономерностей естествознания на эволюцию гуманитарных наук. Хотя, надо сказать, что сегодня внимание к дисциплинарности вырастает и в науках о природе, особенно после некоторого спада интереса к феномену поли- и трансдисциплинарности, к любому нарушению дисциплинарных границ — веянию, несомненно модному в 1990-е годы и в начале 2000-х годов²⁰. Очень важно, что сейчас тема проницаемости границ дисциплин (и даже разграничения науки и не-науки), которую еще 10 лет назад чаще всего истолковывали в антициентистском или релятивистском ключе, начинает анализироваться как важный фактор поддержания и нового воспроизводства, переопределения этих границ в режиме «новой дисциплинарности» — уже в начале XXI в. (Терри Шинн²¹). А ведь еще 10–20 лет назад многим представлялось, что речь в данном случае идет скорее о феномене прошлого — о быстро устаревающей интеллектуальной практике, связанной с уже уходящими, стабильными и фиксированными формами организации знания. Однако после постмодернистского «натиска» культурных исследований ныне, во втором десятилетии XXI в., уже можно смело говорить о своеобразном ренессансе дисциплинарного принципа. Для конца 2000-х годов характерен рост интереса к феномену дисциплинарности в самых разных академических сообществах — в качестве примера достаточно указать на специальный номер авторитетного журнала «Critical Inquiry» (с участием Джудит Батлер, Марио Бьяджоли и других признанных авторов), французский сборник «Qu'est-ce qu'une discipline?», компаративный труд антиковеда Джеффри Эрнеста Ричарда Ллойда с анализом китайского материала²². Авторитетные отечественные исследования феномена дисциплинарности (А.П. Огурцов, Э.М. Мирский, Б.А. Старостин, М.К. Петров и др.)²³ публиковались еще с конца 1970-х годов и целиком ориентировались

²⁰ Главными работами были исследования Джулии Томпсон Клейн: *Klein J.T. Interdisciplinarity: History, Theory, and Practice*. Detroit: Wayne State University Press, 1990; *Idem. Humanities, Culture, and Interdisciplinarity: The Changing American Academy*. Albany: State University of New York Press, 2005; см. также: *Repko A. Interdisciplinary Research: Process and Theory*. Thousand Oaks: SAGE, 2011.

²¹ *Marcovich A., Shinn T. Where Is Disciplinarity Going? Meeting on the Borderland*. *Studies of Science and Technology // Social Science Information*. 2011. No. 50 (3–4). P. 582–606.

²² *Critical Inquiry*. 2009. Summer. Vol. 35. No. 4. (рус. пер. одной из статей: *Пост Р. Дискуссии о дисциплинарности // Новое литературное обозрение*. 2011. № 107. С. 12–31); *Qu'est-ce qu'une discipline? / J. Boutier, J.-C. Passeron, J. Revel (eds). P., Éditions de L'ÉHESS, 2006; Lloyd G.E.R. Disciplines in the Making: Cross-Cultural Perspectives on Elites, Learning and Innovation*. Oxford: Oxford University Press, 2009. Применительно к гуманитариям: *Marcus S. Humanities from Classics to Cultural Studies: Notes Toward the History of an Idea // Daedalus*. 2006. Vol. 135. No. 2. P. 15–21; *Богданов К.А. Гуманитарий — где, когда и почему: социометрия и (русский) язык // Новое литературное обозрение*. 2006. № 5. С. 18–29.

²³ *Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование*. М.: Наука, 1988.

на опыт западного науковедения времен расцвета структурно-функционалистской парадигмы (хотя и с учетом критики ее со стороны феноменологов или сторонников этнометодологических подходов). При этом в центре анализа оставались философско-методологические стороны познания, в первую очередь связанного с естественно-научными дисциплинами. Содержательные работы отечественных специалистов по методологии и философии науки, появившиеся в 2000-е годы (В.М. Розин, А.В. Юревич²⁴), в целом также не выходят за эти рамки.

При этом и для социологических изысканий (неважно, в традиции Роберта Мёртона, Пьера Бурдьё или программы Science and Technology Studies [STS]), и для историко-научного анализа образцом во многом остаются работы, выполненные на материале естествознания. Давние дебаты о двух культурах (сциентистской и гуманитарной) времен работы Чарльза Питера Сноу (1962) или недавние «научные войны» (в связи с критикой постмодернистских установок в науке после разоблачения «аферы Сокала») только подтверждают важность обращения специалистов по истории гуманитарного знания к компаративным аспектам становления современных наук о природе. Ведь осмысление разных социальных и гуманитарных наук на протяжении последних двух веков, несмотря на все усилия поборников герменевтических или субъектно-ориентированных подходов, выстраивалось именно с оглядкой на образцы, нормы и практики наук естественных²⁵. Эволюционистский подход к истории наук и дисциплин (понимаемых как изменчивые и конкурирующие биологические виды — у Дэвида Халла²⁶), рост когнитивных наук на стыке теорий информации и изучения коммуникации, обществознания, нейробиологии придают дебатам о дисциплинарности новый импульс, далеко уводя их за пределы давней дилеммы «внутреннего» или «внешнего» объяснения²⁷. Кроме того, начиная со времен Просвещения и романтизма, социогуманитарные дисциплины

²⁴ Наиболее показательна здесь коллективная монография: Наука глазами гуманитария / под ред. В.А. Лекторского. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

²⁵ *Burnett G.D.* A View from the Bridge: The Two Cultures Debate, Its Legacy, and the History of Science // *Daedalus*. 1999. Vol. 128. No. 2. P. 193–218; *Oexle O.G.* Naturwissenschaft und Geschichtswissenschaft. Momente einer Problemgeschichte // *Naturwissenschaft, Geisteswissenschaft, Kulturwissenschaft. Einheit — Gegensatz — Komplementarität* / O.G. Oexle (Hrsg.). Göttingen, Wallstein-Verlag, 1998. S. 99–151.

²⁶ *Hull D.* Science as a Process: An Evolutionary Account of the Social and Conceptual Development of Science. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

²⁷ *Schunn C.D., Crowley K., Okada T.* Cognitive Science: Interdisciplinarity Now and Then // *Interdisciplinary Collaboration: An Emerging Cognitive Science* / S.J. Derry, C.D. Schunn, M.A. Gernsbacher (eds). Mahwah, NJ: Erlbaum, 2005. P. 287–315.

оказываются связаны, с одной стороны, с естественными науками в целом как более успешными и «продвинутыми», а с другой стороны, с динамикой философии (и как одной из гуманитарных наук в кругу прочих, и одновременно — как общей сферы рефлексии эпистемологических и мировоззренческих оснований)²⁸.

Общая тенденция к «сциентизации» социогуманитарного знания, особенно в конце XX столетия, уравнивается или компенсируется обратным движением — укреплением фикционального момента, который связан с социальным воображением, фантазией и художественным творчеством (когда одна волна или очередной «поворот» в гуманитаристике действует не однолинейно, а накладывается на иные схожие тенденции²⁹). При этом понимание гуманитарных дисциплин как *искусств*, а не только наук, по известной формуле Art and Science, свидетельствует отнюдь не об их слабости или незрелости, но и об определенной гибкости в моменты кризиса общества или роста антисциентистских настроений³⁰. И в истории знания близость искусствоведения или филологии к новейшим художественным течениям (как в русском формализме, например) вполне сочетались с установками именно на научную инновацию — против застывшего академизма, что означало переопределение и укрепление, а не «сворачивание» или ликвидацию дисциплинарного принципа.

2. Современность и классика

Последовательно исторический подход и анализ не означает отказа от рациональной реконструкции содержательной общей логики движения разных дисциплин или даже всего поля знания о человеке. Неизбежный презентистский момент, необходимость принимать во внимание современный контекст развития и постановки той или иной научной проблемы не

²⁸ Galison P. Objectivity Is Romantic // Humanities and the Sciences / J. Friedman, P. Galison, S. Haack (eds). Washington: ACLS, 2000. P. 15–43; Veit-Brause I. Scientists and the Cultural Politics of Academic Disciplines in Late 19th-century Germany: Emil Du Bois-Reymond and the Controversy over the Role of the Cultural Sciences // History of the Human Sciences. 2001. Vol. 14. No. 4. P. 31–56.

²⁹ В современной социологии обращение к необходимости «воображения» актуально со времен Ч.Р. Милса, но также релевантно и для классических текстов (сопоставление Макса Вебера и Томаса Манна, романа-репортажа и социологии Чикагской школы и т.д.). См.: Goldman H. Max Weber and Thomas Mann: Calling and the Shaping of the Self. Berkeley: University of California Press, 1988; Imaginative Methodologies in the Social Sciences: Creativity, Poetics and Rhetoric in Social Research / M.H. Jacobsen, M.S. Drake (eds). Farnham: Ashgate, 2014.

³⁰ Гумбрехт Х.У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 7–17.

должен, разумеется, сводиться к «вигскому» приоритету актуальных ценностей в процессе историописания (об опасности которого предупреждал в свое время Герберт Баттерфильд). К сожалению, отставание общеметодологической рефлексии гуманитарных наук (из-за господства догматического и вульгаризованного марксизма) сказалось и в том, что в отечественном науковедении дилемма «презентизм — антикваризм» была разработана еще в 1990-е годы только в плане историографии естествознания³¹. Но, как справедливо указывал в свое время А.В. Полетаев в книге о феномене гуманитарной классики, приоритет в этих разработках принадлежит Роберту Мёртону и с наибольшей полнотой эта дилемма была эксплицирована на примере анализа социальной теории³².

В различных версиях историографии наук о человеке реализовались обе эти логики. В социальном или экономическом знании отчетливее всего проявилась презентистская модель постижения своего академического прошлого³³, в то же время изучение традиционных гуманитарных штудий издавна выстраивалось согласно хронологической канве, как набор детально проработанных «кейсов»³⁴. В нашем исследовании эти подходы сопрягаются на основании принципа историзма, который не сводится только к набору разных и несоизмеримых контекстуалистских реконструкций про-

³¹ Кузнецова Н.И. Презентизм и антикваризм — две картины прошлого // *Arbor Mundi*. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. М., 2009. Вып. 15. С. 164–196; Jardine N. Whigs and Stories: Herbert Butterfield and the Historiography of Science // *History of Science*. 2003. Vol. 41. P. 125–140.

³² Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. См. также: *Welz F. Zum Verhältnis von Geschichte und Systematik der soziologischen Theorie nach Robert K. Merton* // *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. Jg. 35. Nr. 3. S. 19–37.

³³ Для экономической науки ведущим остается подход «от современности», представленный, например, в известной работе Марка Блауга: *Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе* / пер. с англ. 4-е изд. М.: Дело ЛТД, 1994. См. спектр разнообразных путей анализа истории экономической мысли в сборнике: *Historians of Economics and Economic Thought: The Construction of Disciplinary Memory* / S. Medema, W. Samuels (eds). L.: Routledge, 2001. Для историографии социологии важной была реплика Р. Джонса (на примере рецепции Дюркгейма): *Jones R.A. On Understanding a Sociological Classic* // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 83. P. 279–319. См. общий обзор: *Turner S. Defining a Discipline: Sociology and Its Philosophical Problems from Its Classics to 1945* // *Handbook of Philosophy of Anthropology and Sociology* / S. Turner, M. Risjord (eds). Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 3–69.

³⁴ Сюда входят и специфика античного наследия, и феномен медиевализма, и важность классики как идентификационного пункта для традиционных гуманитарных дисциплин. См.: *Disciplining Classics* // *Altertumswissenschaft als Beruf* / G.W. Most (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. S. 253–269; *Die modernen Väter der Antike. Die Entwicklung der Altertumswissenschaften an Akademie und Universität im Berlin des 19. Jahrhunderts* / C.G. King (Hrsg.). Berlin: de Gruyter, 2009.

шлого, но ориентирован на поиск и постижение общей логики развития социогуманитарного знания³⁵. Но это сопряжение нельзя реализовать без учета истории дисциплинарного принципа и опыта его рефлексии.

В ходе предпринятого коллективного исследования была подтверждена базовая идея А.В. Полетаева и И.М. Савельевой о необходимости выработки для многомерного анализа прошлой социальной реальности *своего набора* социальных и гуманитарных дисциплин (точнее, аналитических подходов) для каждой из крупных исторических эпох, по крайней мере в европейской истории — для древности, Средневековья и модерна. Более того, речь идет не просто о наших современных дисциплинах (сложившихся в XIX–XX вв.), «приспосабливаемых» под раскрытие внутренней специфики минувшего, ибо такое приспособление на деле подразумевает серьезную внутреннюю ценностную и методологическую перестройку и самих дисциплин, и их общего поля. «Исторический поворот» в социальных науках последних десятилетий демонстрирует важность диахронной перспективы видения и предмета и метода для разных дисциплин в поле наук о человеке³⁶.

Эта историцистская переориентация и усложнение современного аналитического инструментария подразумевает также обращение к тем познавательным комплексам и структурам социального самопознания и самопредставления, которые были выработаны, например, в XVII столетии или в период романтизма. Комплексы прошлых научных и социальных идей — не просто предыстория мысли, которую можно заключить в скобки, они действительны и за пределами своих собственных эпох. Особенно это касается, во-первых, востребованности в разные периоды XX и в начале XXI столетий классических методологических и философских работ раннего Нового времени (например, Декарта, Вико или Гоббса), во-вторых, актуальности историко-научного самосознания для развития конкретных социогуманитарных дисциплин³⁷.

³⁵ О необходимости «умеренного» и рефлексивного презентизма для истории идей и истории науки убедительно писал Карлос Шпёрхазе: *Spoerhase C. Presentism and Precursorship in Intellectual History // Culture, Theory and Critique. 2008. Vol. 49. No. 1. P. 49–72.*

³⁶ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: В поисках утраченного. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1997. О рождении термина «социальные науки» см.: Head B. The Origins of 'La Science Sociale' in France, 1770–1800 // *Australian Journal of French Studies. 1982. Vol. 19. P. 115–132; Wokler R. Ideology and the Origins of Social Science // The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought / M. Goldie, R. Wokler (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 688–710.*

³⁷ Ср. показательный и отрефлексированный «двойной» интерес австралийского ученого Иэна Хантера и к истории гуманитарной теории второй половины XX в., и к эпохе Просвещения (промежуточным пунктом размышлений становится расхождение неокантианства и феноменологии в 1910–1920-е годы): *Hunter I. Rival Enlightenments: Civil and Metaphysical Philosophy in Early Modern Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; Idem. The History of Theory // Critical Inquiry. 2006. Vol. 32. No. 4. P. 78–112; Idem. Scenes from the History of Poststructuralism: Davos, Freiburg, Baltimore, Leipzig // *New Literary History. 2010. Vol. 41. P. 491–516.**

Эти параллельные течения — видоизменения научной классики и историко-дисциплинарная рефлексия³⁸, анализируемая в данном коллективном труде, — дополнительно закрепляют порой кажущиеся «неустойчивыми» гуманитарные дисциплины. Именно поэтому для нас важна преемственность нашей монографии с предыдущими исследованиями Института гуманитарных историко-теоретических исследований, посвященными феномену классики и в гуманитарных, и в социальных науках³⁹. Учет диахронного измерения в эволюции социогуманитарного знания важен для реализации нашего замысла, поскольку дает возможность рассматривать динамику разных наук в их содержательных пересечениях и на общих институциональных площадках (например, в рамках университета эпохи Просвещения или в советской академической системе). Это во многом позволяет избежать эклектики и погони за едва достижимой полнотой описания, когда в жанре энциклопедических очерков разные дисциплинарные истории с их шаблонами и стереотипами непроблематично сопологаются друг рядом с другом (к истории философии механически добавляется история исторической науки, затем следует история социологии, история психологии и т.д.⁴⁰). Искомый синтез не может быть абсолютно нейтральным или симметричным, выстроенным в неких искусственно заданных науковедческих координатах, абстрагированных от эволюции как конкретных дисциплин, так и общенаучной или философской рефлексии. Ведь и сам разговор о дисциплинарности неизбежно разворачивается на том или ином специализированном, уже дисциплинарном языке, в зависимости от выбранного ракурса или самоидентификации исследователя — специалист по методологии науки (читай — естествознания) или философии знания, историк или антрополог обычно рассуждают о критериях и факторах дисциплинарного развития в «своих» понятийных категориях. Традиционно в качестве ведущих конструктивных принципов развития дисциплины выделяются, с одной

³⁸ См. ее очерк на примере филологии: *Hummel P. Histoire de l'histoire de la philologie: étude d'un genre épistémologique et bibliographique*. Genève: Droz, 2000.

³⁹ Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. Классическое наследие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.

⁴⁰ Примеры удачного синтеза, в домене немецкоязычной историографии: *Kultur und Kulturwissenschaften um 1900. Krise der Moderne und Glaube an die Wissenschaft* / R. vom Bruch, F.W. Graf, G. Hübingер (Hrsg.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1989; *Kultur und Kulturwissenschaften um 1900 II: Idealismus und Positivismus*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997, применительно к экономике и юриспруденции — *Deutsche Geisteswissenschaften zwischen Kaiserreich und Republik. Zur Entwicklung von Nationalökonomie, Rechtswissenschaft und Sozialwissenschaft im 20. Jahrhundert* / B. Scheffold, K. W. Nörr, F. Tenbruck (Hrsg.). Stuttgart: Steiner, 1994; *Kersten J. Georg Jellinek und die klassische Staatslehre*. Tübingen: Mohr-Siebeck, 2000; *Krise des Historismus, Krise der Wirklichkeit: Wissenschaft, Kunst und Literatur 1880–1932* / O.G. Oexle (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007; *Glaeser J. Der Werturteilsstreit in der deutschen Nationalökonomie*: Max Weber, Werner Sombart und die Ideale der Sozialpolitik. Weimar: Metropolis-Verlag, 2014.

стороны, *когнитивная, содержательная сторона* ее эволюции (парадигмальные установки, специфика метода и подхода, присущие той или иной области знания) — ее изучают, скорее всего, специалисты по истории или эпистемологии науки от неокантианцев до критиков и сторонников Томаса Куна или Имре Лакатоса⁴¹. *Институциональные рамки* (номенклатура университетских подразделений, академических кафедр, квалификационных и коммуникативных ячеек) является предметом занятий историков науки и образования, но в первую очередь — социологов, так или иначе связанных с традициями Роберта Мёртона или Пьера Бурдьё⁴². Одной из активно исследуемых в последние десятилетия сторон развития науки является опосредующая сфера особых, отличительных и устойчивых *исследовательских практик*, ассоциируемых именно с той или иной дисциплиной. Процессы дифференциации специфических способов деятельности в той или иной науке, техник изучения именно «своего» материала исследует социология науки, ориентированная на антропологические методы описания (здесь выделяют признанные уже классическими работы конца 1970 — середины 1980-х годов — книги Бруно Латура и Стива Вулгара о «лабораторной жизни» и Карин Кнорр-Цетины о выработке [manufacturing] научного знания)⁴³. Но и более новые обобщающие работы по истории наук о человеке отчетливо тяготеют к дисциплинарной идентичности их авторов — в случае Дональда Левине это социология⁴⁴, в самой обстоятельной книге об эволюции human sciences явно сказывается психологическая специальность Роджера Смита⁴⁵, работа Брюса Мазлиша о «неточных науках»⁴⁶ написана именно историком, а вышедшая недавно по-английски монография голландского лингвиста Ренса Бода⁴⁷, соответственно, отражает его интерес к знаковым системам, музыкологии, способам письма, риторике и коммуникации.

⁴¹ См.: *Collini St.* “Disciplinary History” and “Intellectual History”: Reflections on the Historiography of the Social Sciences in Britain and France // *Revue de synthese*. 1988. Vol. 3. No. 4. P. 387–399.

⁴² См., например: *Pour une histoire des sciences sociales: hommage à Pierre Bourdieu* / J. Heilbron, R. Lenoir, G. Sapiro (eds). P.: Fayard, 2004.

⁴³ *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979; *Knorr-Cetina K.D.* The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford: Pergamon Press, 1981.

⁴⁴ *Levine D.N.* Visions of the Sociological Tradition. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1995.

⁴⁵ *Smith R.* The Fontana History of the Human Sciences. L.: Fontana, 1997.

⁴⁶ *Mazlish B.* The Uncertain Sciences. New Haven: Yale University Press, 1998.

⁴⁷ *Bod R.* A New History of the Humanities: The Search for Principles and Patterns from Antiquity to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2013. См. также первый том из готовящегося трехтомника (второй том вышел в 2012 г.): *The Making of the Humanities*. Vol. I: The Humanities in Early Modern Europe / R. Bod, J. Maat, T. Weststeijn (eds). Amsterdam, 2010.

3. Дисциплины в их истории: проблема периодизации

Существует несколько способов описания хронологии гуманитарных и социальных наук, включая работы по динамике разных национальных научных сообществ. Нас интересовала не история отдельных наук как таковая (часто отсчитываемая с античности), но развитие их в качестве дисциплин, в соотношении и взаимодействии друг с другом. А это существенно меняет и акценты стандартного историко-научного исследования, и привычную периодизацию, подразумевает плюрализм потенциальных картин прошлого. Вслед за авторитетным исследователем истории социальной теории Йоханом Хейлброном⁴⁸, описывающим режимы дисциплинарности на основе идей Бурдьё, отметим три базовых этапа развития современных наук о человеке — как «классических» (филология, история), так и «новых», вроде социологии или психологии.

1. Это «эпоха водораздела» (*Sattelzeit* — по Козеллеку), 1750–1850 гг., когда происходит становление исходных постулатов дисциплинарного развития в основных отраслях науки о человеке. Наследие классического века⁴⁹, просветительские рационалистические доктрины о «человеческой природе» и эмпирическом разнообразии нравов, а также романтический подход (Гердер) с элементами историцистского мышления — приложение этих общих познавательных установок к разнообразному конкретному материалу дало возможность реализоваться специализированной учености в университетах и академиях Европы, Америки и России. Постулирование научности нового знания о человеке (в отличие от традиционного «знаточества», прежней любительской деятельности обществ и ассоциаций), расширение и специализация поля исследований, обращение к статистическим и географическим данным — все это позволило выстраивать ландшафт знаний о человеке уже по определенным кластерам⁵⁰. Особенно значимым было распространение специализации и профессиональной модели в системе высшего образования, благодаря рецепции реформ Гумбольдта и схожих

⁴⁸ *Heilbron J.* A Regime of Disciplines: Towards a Historical Sociology of Disciplinary Knowledge // *The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in a Postdisciplinary Age* / C. Camic, H. Joas (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2004. P. 23–42.

⁴⁹ *Boer den P.* Neohumanism: Concepts, Ideas, Identities, Identification // *The Impact of Classical Greece on European and National Identities* / M. Haagsma, W. den Boer, E. Moormann (eds). Amsterdam: Gieben, 2003.

⁵⁰ *Diemer A.* Die Begründung des Wissenschaftscharakters der Wissenschaft im 19. Jahrhundert: die Wissenschaftstheorie zwischen klassischer und moderner Wissenschaftskonzeption // *Beiträge zur Entwicklung der Wissenschaftstheorie im 19. Jahrhundert: Vorträge und Diskussionen im Dezember 1965 und 1966 in Düsseldorf*. Meisenheim am Glan: Hain, 1968. S. 3–62.

новаций в европейских странах⁵¹. Первенство в деле дисциплинаризации принадлежит скорее историко-филологическим дисциплинам (в частности, благодаря системе семинаров)⁵². Именно тогда формируются словари ключевых понятий современных дисциплин, складывается представление о взаимном соответствии между теми или иными отраслями знания и факультетами, академическими кафедрами и определенными профессиональными сообществами. Социология (и психология, понятая как продолжение физиологии) отделяются — под знаком позитивизма — от прежних наук о человеке и начинают им противостоять, постепенно обретая признание и на институциональном уровне⁵³.

2. 1890–1920-е годы — период интенсивного онаучивания и модернистских импульсов, оказавших влияние на формирование главных исследовательских программ в поле наук о человеке⁵⁴. Новые социальные науки (социология и наука о политике), экономика, широко использующая математические модели, и экспериментальная психология укрепляют свой методологический статус и публичный престиж — что приводит к созданию новых департаментов и факультетов или переориентации уже существующих. Рубеж веков ознаменовался конфликтами (правда, скорее идеологическими, чем дисциплинарными) между сторонниками традиционной гуманитарной учености и приверженцами новых, «точных» стратегий в науках о человеке; особенной возмутительницей спокойствия была именно социология, как правило, связанная с прогрессистскими общественными тенденциями и политическими движениями⁵⁵. Добавим — это было и время кризиса, особенно после Первой мировой войны, и неокантианского иде-

⁵¹ См.: Humboldt International. Der Export des deutschen Universitaetsmodells im 19. und 20. Jahrhundert / R.Ch. Schwinges (Hrsg.). Basel: Schwabe, 2001.

⁵² См. материалы блока по истории филологии первой половины XIX в. в: Новое литературное обозрение. 2006. № 82 (ст. М. Эспаня, Р.Ст. Тёрнера и Э. Графтона).

⁵³ См.: Plé B. Die "Welt" aus den Wissenschaften. Der Positivismus in Frankreich, England und Italien von 1848 bis ins zweite Jahrzehnt des 20. Jahrhunderts. Eine wissenssoziologische Studie. Stuttgart: Klett-Cotta, 1996; Schneider C.M. Wilhelm Wundts Völkerpsychologie: Entstehung und Entwicklung eines in Vergessenheit geratenen, wissenschaftshistorisch relevanten Fachgebietes. Bonn: Bouvier, 1990; в интернациональном масштабе: Fuchs E. English Positivism and German Historicism: The Reception of "Scientific History" in Germany // British and German Historiography 1750–1950. Traditions, Perceptions, and Transfers / B. Stuchtey, P. Wende (eds). Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2000. P. 229–250.

⁵⁴ Modernist Impulses in the Human Sciences, 1870–1930 / D. Ross (ed.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994; Disciplinary at the Fin de Siecle / A. Anderson, J. Valente (eds). Princeton, 2001.

⁵⁵ См. французский пример: Clark T.N. Prophets and Patrons: The French University and the Emergence of the Social Sciences. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973. P. 186–194.

ализма и эволюционистского позитивизма⁵⁶. К концу этого периода важно также отметить рост интереса к историцистским построениям, целостным моделям и таким разным доктринам, как феноменология и марксизм⁵⁷.

3. Период после 1945 г., когда складывается современная и привычная нам сеть институций и методологических представлений о содержании и границах главных гуманитарных и социальных дисциплин. Главной моделью организации науки становится формат Big Science — не только в подражание естественным наукам, но и в связи с практическим использованием результатов академической работы, широким распространением экспертных исследований, прикладными запросами государства всеобщего благосостояния⁵⁸. На этом этапе в гуманитарных науках особенно выделяется рост популярности структуралистских или функциональных моделей с постепенным нарастанием критики сциентистских допущений и аксиом 1960-х годов⁵⁹. Особенное влияние, помимо экономики, приобретают дисциплины, занимающиеся психологической проблематикой, поведенческими аспектами социального, экономического развития, а также антропология, в ином свете представляющая базовые постулаты прежних представлений о человеке⁶⁰. И логика комплексной реконструкции настоящей и прошлой социальной реальности, и политика фондов, существенно влияющих на приоритеты социогуманитарного знания в западном мире во второй половине XX в., ориентируют на создание и распространение различных форм междисциплинарного взаимодействия или продвижение проектов на стыке нескольких исследовательских областей⁶¹.

⁵⁶ См.: *Bambach Ch.* Heidegger, Dilthey, and the Crisis of Historicism. Ithaca: Cornell University Press, 1995 и рассуждения о связи кризиса неокантианства и перемен в историописании: *Копсов Н.Е.* Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

⁵⁷ Из обширной литературы о гуманитарных науках периода нацизма отметим представительный сборник об эволюции литературоведения: *Literaturwissenschaft und Nationalsozialismus* / Н. Dainat, L. Danneberg (Hrsg.). Tübingen: Niemeyer, 2003.

⁵⁸ *Manicas Peter.* The Social Sciences since World War II: The Rise and Fall of Scientism // *The SAGE Handbook of Social Science Methodology* / W. Outhwaite, St.P. Turner. (eds). L.: SAGE, 2007. P. 7–31; *The History of the Social Sciences since 1945* / R. Backhouse, P. Fontaine (eds). N.Y.: Cambridge University Press, 2010.

⁵⁹ *The Politics of Method in the Human Sciences: Positivism and Its Epistemological Others* / G. Steinmetz (ed.). Durham; L.: Duke University Press, 2005.

⁶⁰ Политические аспекты этих научных процессов обсуждаются в недавнем сборнике: *Cold War Social Science: Knowledge Production, Liberal Democracy and Human Nature* / М. Solovey, Н. Cravens (eds). N.Y.: Palgrave, 2012.

⁶¹ На примере французского «Дома наук о человеке», созданного по инициативе Ф. Броделя и его соратников: *Бикбов А.* Институты слабой дисциплины // *Новое литературное обозрение.* 2006. № 1 (77). С. 340–363.

Выделяя эти три базовых периода, Йохан Хейлброн отталкивался и от функционалистского анализа (Никлас Луман, Рудольф Штихве⁶²), и от историко-познавательных периодизаций раннего Фуко («Слова и вещи»), стремясь переосмыслить эти подходы к дисциплинарности в духе исторической социологии научного развития. Однако, на наш взгляд, Хейлброн недостаточно учитывал несходство динамики, с одной стороны, наук об обществе и, с другой стороны, «чисто гуманитарных» дисциплин, а также слишком бегло коснулся эволюции методологических идей. Именно эта задача исторического и социологически насыщенного описания, не сводимая к выстраиванию линейной, единой и всеобъемлющей модели «дисциплинарности» знания, и стояла перед авторами книги.

Мы опирались на целый ряд исследований, которые позволяют увидеть картину развития ключевых социогуманитарных дисциплин, существенно отличающуюся от той, что до сих пор представлена в большинстве учебников (методология которых сложилась еще в 1970–1980-е годы). В качестве ориентиров для нашей монографии следует назвать и зарекомендовавшие себя методологически выверенные работы Мартина Куша о психологизме⁶³ или Курта Данцигера о субъекте как ключевой категории психологической науки в XIX столетии⁶⁴, и монографические исследования отдельных дисциплин по странам — таковы работы Стефана Коллини и Ребы Соффер (для Великобритании)⁶⁵, Лорана Мюкьелли и Оливье Дюмулена (для Франции)⁶⁶, Бернда Фауленбаха и Петера Шёттлера (для Германии)⁶⁷. Отдельно стоит упомянуть пионерскую работу Вольфа Лепениеса («Три культуры», 1985)⁶⁸

⁶² *Stichweh R.* Zur Entstehung des modernen Systems wissenschaftlicher Disziplinen. Physik in Deutschland, 1740–1890. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984.

⁶³ *Kusch M.* Psychologism: A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. L.: Routledge, 1995.

⁶⁴ *Danziger K.* Constructing the Subject: Historical Origins of Psychological Research. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

⁶⁵ *Collini S.* Public Moralists: Political Thought and Intellectual Life in Britain, 1850–1930. Oxford: Clarendon Press, 1991; *Soffer R.* Discipline and Power: The University, History, and the Making of an English Elite, 1870–1930. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995.

⁶⁶ *Mucchielli L.* La découverte du social. Naissance de la sociologie en France (1870–1914). P.: Éd. La Découverte, 1998; *Dumoulin O.* Le Rôle social de l'historien. P.: Michel, 2003.

⁶⁷ *Faulenbach B.* Ideologie des deutschen Weges: Die deutsche Geschichte in der Historiographie zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München: Beck, 1980; *Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945 / P. Schöttler (Hrsg.).* Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997.

⁶⁸ *Lepenies W.* Die drei Kulturen. Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft. München u.a.: Hanser, 1985.

о становлении социологической традиции в разных национальных сообществах и исследование Петера Вагнера («Социальные науки и государство», 1990)⁶⁹ о влиянии потестарных институтов (в их интервенционистской ипостаси) на обществознание XX в.

4. Рефлексия дисциплинарности

Если теперь, опираясь на представленную выше схему эволюции режимов дисциплинарности, попытаться выделить главные этапы *рефлексии* дисциплинарности, то бросится в глаза характерное отставание теоретической мысли от соответствующей практики дисциплинароустроительства. Ведь в отличие от самих дисциплин, формирование базовых историографических традиций в большинстве наук о человеке пришлось уже на первые десятилетия XX в. Хотя первые обобщающие труды по истории классических штудий, систематические историко-философские очерки, появились еще в «классическую эпоху», а в период Просвещения даже становились учебными руководствами⁷⁰, все таки эта сфера историко-научных штудий несла на себе печать прежней вспомогательной (или дилетантской) работы ученых на отдыхе. Занятия историей своей науки еще не были тогда специфическим средством продвижения и укрепления своей дисциплины. Пожалуй, именно с философии в немецких университетах уже с середины XIX в. начинается использование историографии конкретной науки для повышения ее статуса — и именно как отдельной дисциплины, а не пропедевтического курса всей совокупности знаний⁷¹. Другой пример дает история, где изучение прошлого исторической науки в XIX в. в разных национальных традициях работало скорее на самосознание профессии (или на представление науки о прошлом как формы национального самосознания), чем на методологическое совершенствование ремесла⁷². Здесь, как и в филологии,

⁶⁹ Wagner P. Sozialwissenschaften und Staat. Frankreich, Italien, Deutschland 1870–1980. Frankfurt a. M.: Campus-Verlag, 1990.

⁷⁰ Philologie und Erkenntnis. Beiträge zu Begriff und Problem frühneuzeitlicher “Philologie” / R. Häfner (Hrsg.). Tübingen: Niemeyer, 2001; Philologie als Wissensmodell / La philologie comme modèle de savoir / D. Thouard, F. Vollhardt, F. Mariani Zini (Hrsg.). Berlin; N.Y.: de Gruyter, 2010; Trevor-Roper H. History and the Enlightenment. New Haven: Yale University Press, 2010.

⁷¹ Models of the History of Philosophy. Vol. II: From Cartesian Age to Brucker / G. Santinello (ed.). Dordrecht: Springer, 2011.

⁷² Scattola M. Historia literaria als historia pragmatica. Die pragmatische Bedeutung der Geschichtsschreibung im intellektuellen Unternehmen der Gelehrtengegeschichte // Historia literaria. Neuordnungen des Wissens im 17. und 18. Jahrhundert / F. Grunert, F. Vollhardt (Hrsg.). Berlin: Akademie Verlag, 2007. S. 37–63.

появление компаративных сюжетов в истории своей дисциплины означало выход на новую ступень дисциплинарной рефлексии⁷³. В этом качестве следует рассматривать книги швейцарского историка Эдуарда Фютера (1876–1928)⁷⁴ и британца Джорджа Пибоди Гуча (1873–1968)⁷⁵; сюда можно отнести и «Главные течения русской исторической мысли» (1896) Павла Милюкова, а также сводную книгу американца Генри Элмера Барнса (1889–1968) по историографии⁷⁶. В 1920-е годы появляются работы Эдвина Боринга об истории экспериментальной психологии⁷⁷, книга Питири-ма Сорокина о течениях социологической мысли (1928)⁷⁸ и обобщающий труд Ульриха фон Вилламовица по истории античной филологии⁷⁹. К этому кругу обобщающих трудов можно отнести и опубликованную посмертно «Историю экономического анализа» (1954) Йозефа Шумпетера. Эти работы еще не образуют никакого общего горизонта (например, истории знания о человеке в целом); скорее фоном, чем прямым образцом для них может служить историография естественных наук. Интересно, что именно тогда американский историк Джордж Сартон предпринимает решающие усилия по институционализации истории науки — собственно говоря, истории естествознания — и ставит вопрос о целостной картине развития представлений о природе, вопреки растущей специализации и дифференциации⁸⁰.

⁷³ Klein K.L. *From History to Theory*. Berkeley: University of California Press, 2011 (ch. 1: Rise and Fall of Historiography).

⁷⁴ Fueter E. *Geschichte der neueren Historiographie*. München; Berlin: R. Oldenbourg, 1911 (3. Aufl. 1936; Reprint: Zürich: Orell Füssli, 1985). О нем см. небольшую работу: Peyer H.C. *Der Historiker Eduard Fueter 1876–1928. Leben und Werk*. Zürich: Beer, 1982.

⁷⁵ Gooch G.P. *History and Historians in the Nineteenth Century*. L.: Longmans, Green, 1913; Shotwell J.T. *An Introduction to the History of History*. N.Y.: Columbia University Press, 1922.

⁷⁶ Barnes H.E. *History of Historical Writing*. Norman: University of Oklahoma Press, 1938 (ранним прообразом книги была большая статья Барнса 1919 г. об истории науки о прошлом в Американской энциклопедии).

⁷⁷ Boring E.G. *A History of Experimental Psychology*. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1929 (2nd ed. 1950). См. о контексте появления этой книги: Capshew J. *Psychologists on the March: Science, Practice and Professional Identity in America, 1923–1969*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 25–28.

⁷⁸ Sorokin P.A. *Contemporary Sociological Theories*. N.Y.: Harper and Row, 1928.

⁷⁹ Wilamowitz-Moellendorf U. von. *Geschichte der Philologie*. Stuttgart; Leipzig: B.G. Teubner, 1921 (переиздана в 1998; переведена на англ. и итал. языки).

⁸⁰ См.: Pyenson L. *The Passion of George Sarton: A Modern Marriage and Its Discipline*. Philadelphia, 1995 и важную статью: *Idem*. *Comparative History of Science // History of Science*. 2002. Vol. 40. No. 1. March. P. 1–33.

Конец 1930-х годов стал временем разработки (усилиями Отто Нейрата и его единомышленников, эмигрировавших из Вены в США) той энциклопедической модели «единства науки» на основе позитивистских постулатов и приоритета естествознания, которая еще несколько десятилетий пользовалась немалой популярностью и в Европе, и в Северной Америке⁸¹.

Следующий пик теоретической разработки проблем дисциплинарности (в области ее истории) пришелся на конец 1950 — первую половину 1960-х годов. В этот период предметом публичного внимания стал «спор о двух культурах» писателя и популяризатора науки Чарльза Сноу и литературного критика Фрэнка Р. Ливиса в Великобритании⁸², вышла книга Томаса Куна «Структура научных революций», а Мишель Фуко написал «Слова и вещи» — книгу, посвященную «археологии гуманитарных наук» и сразу ставшую интеллектуальным бестселлером. Указанные работы немедленно получили известность далеко за пределами локальных научных и культурных сообществ, в которых были созданы⁸³. Преодолев и цензурные препоны «второго мира», они завоевали признание также по ту сторону «железного занавеса». И ученым вообще, и гуманитариям в частности⁸⁴, эти книги предложили актуальный и социально ангажированный язык самопонимания, развернутый в прошлое, словарь рабочих понятий и ряд ярких, узнаваемых метафор, теоретически нагруженную характеристику истоков и оригинальных черт структурализма, завоевывающего себе все больше

⁸¹ Galison P. The Americanization of Unity of Science // *Daedalus*. 1998. Winter. Vol. 127. P. 45–71; Reisch G.A. Disunity in the International Encyclopedia of Unified Science // *Logical Empiricism in North America. Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 18 / G.L. Hardcastle, A.W. Richardson (eds). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 197–215; Nemeth E. Logical Empiricism and the History and Sociology of Science // *The Cambridge Companion to Logical Empiricism* / A.W. Richardson, T.E. Uebel (eds). N.Y.: Cambridge University Press, 2007. P. 278–304.

⁸² См. об истории этой дискуссии: Ortolano G. *The Two Cultures Controversy: Science, Literature, Politics in Cultural Politics in Postwar Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

⁸³ В настоящее время появились серьезные работы о французском контексте ранней теории науки у Фуко, связанном с влиянием Ж. Кангйема, А. Койре и феноменологической традиции: Chimisso C. *Writing the History of the Mind: Philosophy and Science in France, 1900 to 1960s*. Aldershot: Ashgate, 2008 и резюмирующий очерк: Basso E. *On Historicity and Transcendentalism Again. Foucault's Trajectory from Existential Psychiatry to Historical Epistemology* // *Foucault Studies*. 2012. September. Vol. 14. P. 154–178.

⁸⁴ Любопытно, что сам Кун задним числом подчеркивал особую значимость для своей главной книги именно гуманитарной философской рефлексии, развернутой в историко-научном плане. По его признанию, сочинения Макса Вебера и Эрнста Кассирера «описывали социальные науки очень близко к тому способу описания, который я надеялся предложить для физических наук» (Кун Т. *Естественные и гуманитарные науки* [1989] // Кун Т. *После «Структуры научных революций»* / пер. с англ. М.: АСТ, 2014. С. 299).

поклонников⁸⁵. Работа Фуко, например, превзошла масштабный и долготелный (но на ее фоне явно старомодный) проект по изучению гуманитарных наук его старшего современника — французского философа Жоржа Гусдорфа (1912–2000)⁸⁶. Показательно, что у Куна, начиная с послесловия (1970) к его главной книге, идея *дисциплинарной матрицы* фактически заменяет ключевое прежде понятие парадигмы; оно так и не стало ключом к историко-научным описаниям главных наук о природе (физики, химии, математики) XIX в.⁸⁷, зато открыло дорогу разностороннему изучению академических практик. Последующие два десятилетия именно приложение идей Куна к истории той или иной гуманитарной науки (даже если ответ о возможности применения понятия «научная революция» был, как правило, скептическим) уже само по себе стало показателем растущей однородности языка дисциплинарной рефлексии⁸⁸. Устойчивый рост институциональных показателей научного развития во всем мире, технизация и стандартизация работы, выход вперед социальных дисциплин и психологии (*behavioral sciences*⁸⁹) также способствовали развитию исторического «самосознания» разных подразделений гуманитарного знания. И развитие социологии науки, и рост популярности социологических методов у гуманитариев (все равно, у последователей ли Франкфуртской школы, у социоаналитического подхода Бурдьё или в духе «сильной программы» социологии знания) демонстрировали важный сдвиг от исходного эпистемологического полюса самопонимания науки к «популяционным» моделям ее развития⁹⁰. Заимствованное из биологии понятие «популяции» отсылает не к эволюционист-

⁸⁵ Functions and Uses of Disciplinary Histories / P. Weingart, L. Graham, W. Lepenies (eds). *Sociology of the Sciences Yearbook*. Vol. 7. Dordrecht: Reidel, 1983; Lovett B.J. *The New History of Psychology: A Review and Critique* // *History of Psychology*. 2006. Vol. 9. No. 1. P. 17–37.

⁸⁶ *Gusdorf G. Les Sciences humaines et la pensée occidentale*. Vol. 1–12. P.: Payot, 1967–1985.

⁸⁷ О внутренних противоречиях понятия «дисциплинарной матрицы» у Куна см. замечания одного из самых тщательных исследователей его творчества: *Hoyningen-Huene P. Reconstructing Scientific Revolutions: Thomas S. Kuhn's Philosophy of Science*. Chicago: University of Chicago Press. 1993. P. 157–159.

⁸⁸ См. представительный сборник: *Paradigms and Revolutions: Appraisals and Applications of Thomas Kuhn's Philosophy of Science* / G. Gutting (ed.). Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1980 (в частности, в нем помещена и характерная статья Д. Холлинджера: *Hollinger D. T.S. Kuhn's Theory of Science and Its Implications for History* // *The American Historical Review*. 1973. April. Vol. 78. No. 2. P. 370–393).

⁸⁹ См.: *Internationalizing the History of Psychology* / A.C. Brock (ed.). N.Y.: New York University Press, 2006.

⁹⁰ См. выводы масштабного трехтомного исследования А.П. Огурцова по философии науки: *Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: в 3-х ч.* СПб.: Мирь, 2011.

ским моделям Стивена Тулмина⁹¹, а к видению науки в первую очередь с точки зрения конкуренции и столкновения групповых интересов, перераспределения власти, контроля ресурсов. Описание развития прошлого социальных наук в смысле «экологии дисциплин» уже в начале 1970-х годов⁹² стало важным свидетельством отхода от традиционных историко-научных нарративов в пользу комплексного науковедческого анализа (с обращением к социологии науки, организационным теориям и т.д.). Уже к середине века, по сути, отходит на периферию содержательной рефлексии проблематика классификации наук, ранее столь занимавшая умы ученых и философов от Бэкона и Ампера до Больцано и Спенсера⁹³, — она сменяется комплексом вопросов о социальной организации науки, в том числе и по дисциплинарному признаку⁹⁴.

В 1980-е годы наступает время сознательной координации и объединения усилий ученых разных стран для целостной реконструкции истории наук о человеке. И первенствующую роль тут играют социальные науки (перехватив гегемонию у классических гуманитарных) — именно вокруг истории социологии и эволюции социальной теории концентрируются основные усилия историков знания, философов⁹⁵. Это, конечно, связано и с количественным ростом научных и вузовских структур, готовящих специалистов соответствующего профиля. С 1960-х годов появляются специализированные общества (или секции больших дисциплинарных ассоциаций), а также журналы по истории наук о человеке — вначале по психологии и экономике (в США — «Journal of the History of the Behavioral Sciences» с 1965 г., «History of Political Economy» с 1969-го, в Великобритании — «Journal of the History of Economic Thought» с 1979-го, «History of Human Sciences» —

⁹¹ Тулмин С. Человеческое познание / пер. с англ. М.: Прогресс, 1984.

⁹² См. статью Эдуарда Шилза о развитии социологии: *Shils E. Tradition, Ecology, and Institution in the History of Sociology // Daedalus. 1970. Vol. 99. P. 760–825.*

⁹³ См.: *Dolby R.G.A. Classification of the Sciences. The Nineteenth Century Tradition // Classifications in Their Social Context / R.F. Ellen, D. Reason (eds). L.: Academic Press, 1979. P. 167–193.* О классификации наук у Конта: *Petit A. Genèse de la classification des sciences d'Auguste Comte // Revue de Synthèse. 1994. Vol. 115. No. 1. P. 71–102.*

⁹⁴ «Лебедина песнь» этого жанра в СССР — трехтомная работа академика Б.М. Кедрова «Классификация наук» (1961, 1965, 1985), где в основу положена идея уровней движения материи. Российские дореволюционные варианты классификаций (Грот, Пачоский, Личков) систематизированы в кн.: *Ивановский В.Н. Методологическое введение в науку и философию. Т. 1. Минск: Белтрестпечат, 1923. Ср., впрочем: Гражданников Е.Д. Метод построения системной классификации наук. Новосибирск: Наука (Сиб. отделение), 1987.*

⁹⁵ См.: *Lloyd Ch. Toward Unification: Beyond the Antinomies of Knowledge in Historical Social Science // History and Theory. Vol. 47. P. 396–412.*

с 1988-го, во Франции — «Revue d'Histoire des Sciences Humaines» с 1999 г.), затем и по истории социальных наук, а также сериальные издания по истории исторической науки. С одной стороны, на сегодняшний день широта и качество обсуждения творчества классиков социологии (Маркса, Вебера, Дюркгейма)⁹⁶ намного превосходят «традиционную» разработку наследия Ранке, Дройзена, Гумбольдта или Шлейермахера⁹⁷ и становятся вполне сопоставимы с экзегетическими «индустриями» изучения великих философов, вроде Платона, Гегеля или Витгенштейна⁹⁸. С другой стороны, обращение к истории понятий в европейском контексте (от Квентина Скиннера и Райнхарда Козеллека до Лютца Данненберга, включая и метафорологию Ханса Блюменберга⁹⁹) существенно расширяют поле историко-методологической рефлексии у гуманитариев.

Важную роль в глобальной интеграции социального знания уже после стабилизации дисциплинарных комплексов играют англоязычные энци-

⁹⁶ Для интернациональной историографии социологии отметим четырехтомник: *Geschichte der Soziologie: Studien zur kognitiven, sozialen und historischen Identität einer Disziplin*. Bd. 1–4 / W. Lepenies (Hrsg.). Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981. О современном состоянии историографии в Германии: *Neue Zugänge zur Geschichte der Geschichtswissenschaft* / J. Eckel, Th. Etzemüller (Hrsg.). Göttingen: Wallstein, 2007.

⁹⁷ Впрочем, в последнее время появилось несколько нестандартных работ по интерпретации классиков гуманитарного знания: *Marchand S. Down from Olympus: Archaeology and Philhellenism in Germany, 1750–1970*. Princeton: Princeton University Press, 1996; *Савельева И.М. Обретение метода // Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории*. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 5–23; *Eskildsen K.R. Leopold Ranke's Archival Turn: Location and Evidence in Modern Historiography // Modern Intellectual History*. 2008. Vol. 5. P. 425–453; *August Boeckh: Philologie, Hermeneutik und Wissenschaftspolitik* / C. Hackel, S. Seifert (Hrsg.). Berlin: BVM Berliner Wissenschafts-Verlag, 2013; *Wimmer M. On Sources. Mythical and Historical Thinking in Fin-de-Siècle Vienna // Res. Journal for Anthropology and Aesthetics. Special Issue "Wet/Dry"*. 2013. Vol. 2. No. 1. P. 108–124.

⁹⁸ У историков философии важной методологической точкой отсчета стала коллективная работа: *Philosophy in History* / R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1984; у историков филологии — сборник: *Philologie und Hermeneutik im 19. Jahrhundert: zur Geschichte und Methodologie der Geisteswissenschaften* / H. Flashar, K. Gründer, A. Horstmann (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. У историков в конце XX — начале XXI вв. самыми масштабными проектами в смысле исторической саморефлексии дисциплины следует признать составленный после объединения Германии пятитомник: *Geschichtsdiskurs: Grundlagen und Methoden der Historiographieggeschichte* / W. Küttler, J. Rüsen, E. Schulz (Hrsg.). Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch, 1992–1999, а также недавний англоязычный коллективный труд, где широко и систематически представлена не-западная наука: *The Oxford History of Historical Writing*. Vol. 1–5. Oxford: Oxford University Press, 2011–2012.

⁹⁹ См. статьи интернационального коллектива авторов в переведенном на русский язык сборнике: *История понятий, история дискурса, история метафор* / под ред. Х.Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

клопедии — 15-томная «Encyclopaedia of the Social Sciences» (под редакцией Эдварда Селигмена и Элвина Джонсона) 1930-х годов, затем «International Encyclopaedia of the Social Sciences» под редакцией Роберта Мёртона и Дэвида Шилза (1968) и, наконец, новейшая «International Encyclopaedia of the Social and Behavioral Sciences» (2001, под редакцией Нейла Смелзера и Пола Белтса — в 26 томах¹⁰⁰). Итоговым для этого периода можно считать немецкую монографию Петера Вагнера и несколько важных сборников под его редакцией¹⁰¹. Однако уже к середине 1990-х при всем бесконечном изобилии материала и первоначальном энтузиазме участников это впечатляющее начинание — построение компаративной истории общественных дисциплин за последние два века — постепенно застопорилось; в частности, остался невостребованным и амбициозный проект «социологии философий» Рэнделла Коллинза¹⁰². Почему это произошло? Одно из возможных объяснений, на наш взгляд, — слишком явный акцент на роль общественных и государственных факторов в развитии социальных наук в XX в. Следуя этой очень перспективной методологии, обогащенной достижениями Бурдьё и Рингера, можно упустить специфику и автономию когнитивного развития дисциплины, которое далеко не всегда может быть объяснено, даже *в конечном счете*, лишь социальными факторами. «Социальное объяснение» оказалось в начале XXI в. слишком широким понятием, для удовлетворительной реализации которого нужно было учесть микросоциальную среду научных школ и институций, зависимость и одновременно дистанцирование ученых от идеологической конъюнктуры, соотношение формальных и неформальных факторов, проблематику несоответствия и сложной взаимопереводимости «эпистемических культур» (Карин Кнорр-Цетина) в разных дисциплинах.

Дальнейшие исследовательские траектории, которыми двинулись в своей эволюции сторонники социальной истории социальных наук, указывают на «слепые зоны» прежнего подхода и возможные будущие аналитические стратегии. Прежде всего, это анализ систем оценок и интерсубъективных режимов взаимодействия (следуя идеям Люка Болтански и Лорана Тевено), в том числе и в работе академической экспертизы¹⁰³, анализ границ разных

¹⁰⁰ В этой энциклопедии статья о научных дисциплинах написана Рудольфом Штихве, о дисциплинах в социальных науках — Бьорном Виттроком.

¹⁰¹ Wittrock B., Wagner P., Wollman H. Social Science and Modern State: Policy Knowledge and Political Institution in Western Europe // Social Sciences and Modern States. National Experiences and Theoretical Crossroads / P. Wagner (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

¹⁰² Collins R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge: Belknap Press of Harvard University, 1998.

¹⁰³ Pachucki M.A., Pendergrass S., Lamont M. Boundary Processes: Recent Theoretical Developments and New Contributions // Poetics Today. 2007. Vol. 35. P. 331–351.

областей и неоднородных (иерархических, в том числе имперских) порядков знания. Заслуживает внимания попытка «наведения мостов» между теориями множественной модерности (Йохан Арнасон, Шмуэль Эйзеншадт), исторической семантикой в духе Козеллека и новой философией современности, учитывающей вклад позднего Фуко и Хабермаса, у шведского теоретика Бьорна Виттрока¹⁰⁴ и Петера Вагнера.

Один из самых перспективных подходов к рассматриваемой проблематике принадлежит Эндрю Эбботу, который последовательно пытается пересмотреть саму дилемму «эпистемология vs. социология» в анализе дисциплинарной динамики и анализирует профессиональное сообщество, системы присвоения степеней и взаимодействие ученых сообществ с более широкой аудиторией¹⁰⁵. Поэтому вопрос о сообществах и границах¹⁰⁶, а также о сложном эпистемическом устройстве дисциплинарных комплексов становится насущным в современной ситуации и указывает на недостаточность таких полярных (и заслуженно популярных с 1980-х годов) подходов, как социоанализ Бурдьё или системный подход Лумана. Ни распределение специфического капитала, ни иерархизация или дифференциация устройства тех или иных научных областей, как нам кажется, не в состоянии представить *ключевой механизм* дисциплинарной динамики в прошлом или настоящем, они могут лишь объяснить отдельные ее стороны.

Заметной чертой дисциплинарной рефлексии 2000-х годов в отходе от крайностей социал-конструктивизма или акторно-сетевого подхода Бруно Латура стало также обращение к историческим достижениям философии науки (у Дж. Заммито¹⁰⁷), интерес к исторической онтологии и «стилям научного рассуждения» у представителей так называемой Стэнфордской школы — Яна Хакинга, Питера Галисона и их единомышленников¹⁰⁸.

Эта теоретическая нагруженность новых подходов к дисциплинарности, обилие конкретных работ, журналов и перспективных проектов по тем

¹⁰⁴ Wittrock B. History and Sociology: Transmutations of Historical Reasoning in the Social Sciences // *Frontiers of Sociology. The Annals of the International Institute of Sociology*. Vol. 11 / P. Hedström, B. Wittrock (eds). Leiden: Brill, 2009. P. 77–112.

¹⁰⁵ Abbott A. *Chaos of Disciplines*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

¹⁰⁶ Fuller S. Disciplinary Boundaries and the Rhetoric of the Social Sciences // *Poetics Today*. 1991. Vol. 12. P. 300–325.

¹⁰⁷ Zammito J.H. *A Nice Derangement of Epistemes: Post-Positivism in the Study of Science from Quine to Latour*. Chicago: University of Chicago Press, 2004.

¹⁰⁸ Hacking I. *Historical Ontology*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. См. критические соображения М. Куша: Kush M. *Hacking's Historical Epistemology: A Critique of Styles of Reasoning* // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2010. Vol. 41. No. 2. P. 158–173.

или иным дисциплинам¹⁰⁹, а также растущий интерес к ранненовременной проблематике, проявленные за последние два десятилетия, обещают возможность будущих новых синтезов¹¹⁰ — в том числе на основе активно разрабатываемой социальной истории знания¹¹¹. Пока же снова следует обратить внимание на насущную необходимость взаимодействия вырвавшейся вперед историографии социальных наук с историографией наук гуманитарных. Именно в домене историографии гуманитарного знания в последние десятилетия происходят важные перемены, в частности — обогащение видения прошлого гуманистических штудий за счет раскрытия их теснейших связей с соответствующими проблемами юриспруденции, теории логики и риторики¹¹², медицинского мышления¹¹³, политической философии и анализа систем коммуникации¹¹⁴ и колониального знания¹¹⁵.

¹⁰⁹ Отметим выходящий с 2001 г. в издательстве SAGE «Journal of Classical Sociology», а также серию конференций 2009–2011 гг. международного исследовательского коллектива: The Disorder of Things: Predisciplinarity and the Divisions of Knowledge 1660–1850. <http://ideasand-society.ucr.edu/disorder_of_things/index.html> и специальный номер журнала: Eighteenth-Century Studies. 2011. Vol. 45. No. 1. Следует упомянуть также новейший многообещающий проект по изучению международных связей в социальных и гуманитарных науках, связанный с наследием Пьера Бурдьё: <<http://www.interco-ssh.eu/>>.

¹¹⁰ См.: Weingart P. A Short History of Knowledge Formation // The Oxford Handbook of Interdisciplinarity / R. Frodemann, J. Thomson Klein, C. Mitcham (eds). Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 3–14; D'Agostino F. Disciplinarity and the Growth of Knowledge // Social Epistemology: A Journal of Knowledge, Culture and Policy. 2012. Vol. 26. No. 3–4. P. 331–350.

¹¹¹ Отдельно нужно отметить двухтомную монографию Питера Берка: Burke P. A Social History of Knowledge. Vol. 1–2. Cambridge: Polity Press, 2000; 2011.

¹¹² См. особенно работы Нэнси Стрювер: Struever N.S. Rhetoric, Modality, Modernity. Chicago: University of Chicago Press, 2009; а также: Ward J.O. Rhetoric: Disciplina or Epistemology? Nancy Struever and Writing the History of Medieval and Renaissance Rhetoric // Perspectives on Early Modern and Modern Intellectual History: Essays in Honor of Nancy S. Struever / J. Marino, M.W. Schlitt (eds). Rochester, N.Y.: University of Rochester Press, 2001. P. 347–374.

¹¹³ См.: Siraisi N.G. History, Medicine and the Traditions of Renaissance Learning. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2007; Poovey M. A History of the Modern Fact: Problems of Knowledge in the Sciences of Wealth and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1998; Kelley D.R. The Human Measure: Social Thought in the Western Legal Tradition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

¹¹⁴ Blair A. Too Much to Know: Managing Scholarly Information Before the Modern Age. New Haven: Yale University Press, 2010.

¹¹⁵ Livingstone D.N. Putting Science in Its Place: Geographies of Scientific Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 2003; Raj K. Relocating Modern Science: Circulation and the Construction of Knowledge in South Asia and Europe, 1650–1900. Houndmills; N.Y., 2003; Geographies of Nineteenth-Century Science / D.N. Livingstone, Ch.W.J. Withers (eds). Chicago: University of Chicago Press, 2011.

Критическая рефлексия дисциплинарных канонов и практик коснулась и политической науки (попытка использовать методологию Куна у Ш. Волина¹¹⁶), антропологии, истории искусства и других отраслей знания¹¹⁷. Кажется, на этой основе по новому можно будет переосмыслить — спустя полвека — базовые постулаты «Слов и вещей» Мишеля Фуко об исторической связи жизни, языка и труда в их рефлексивном отображении в эволюции протодисциплинарного знания¹¹⁸.

Особенно стоит отметить разделяемый авторами монографии интерес к предложенным еще в «додисциплинарную» эпоху органицистским или вероятностным логикам объяснения, которые периодически оказываются востребованными и действенными на новых поворотах развития социогуманитарного знания¹¹⁹. В числе таких моделей следует упомянуть гоббсову проблематику социального порядка (у Парсонса), сохранение переосмысленного античного образа полиса как модельного для разработки политической теории и философии (Ханна Арендт, Лео Штраус)¹²⁰ укажем и вни-

¹¹⁶ *Wolin S. Paradigms and Political Theories // Paradigms and Revolutions... P. 160–191* (в этом уже упомянутом сборнике помещены схожие размышления Д. Холлинджера и М. Блауга о применимости понятия «парадигм», соответственно, к историографии и к экономической науке).

¹¹⁷ Содержательные обзоры такого рода дисциплинарной рефлексии: *Brown M.B. Conceptions of Science in Political Theory: A Tale of Cloaks and Daggers // Vocations of Political Theory / J.A. Frank, J. Tambornino (eds). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. P. 190–211; Iversen M., Melville S. Writing Art History: Disciplinary Departures. Chicago: University of Chicago Press, 2010; Konzert und Konkurrenz: die Künste und ihre Wissenschaften im 19. Jahrhundert / C. Scholl, S. Richter, O. Huck (Hrsg.). Göttingen: Universitätsverlag, 2010; Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы / под ред. и сост. А.Л. Елфимова. М.: Новое литературное обозрение, 2012.*

¹¹⁸ Переосмысление роли раннего Фуко для методологии интеллектуальной истории в этом контексте: *Maclean I. The Process of Intellectual Change: A Post-Foucaultian Hypothesis // Cultural History after Foucault / J. Neubauer (ed.). N.Y.: Walter de Gruyter GmbH, 1999. P. 163–176; Davidson A. The Emergence of Sexuality: Historical Epistemology and the Formation of Concepts. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.*

¹¹⁹ См. серию исследований по исторической разработке теории вероятности и приложению их в науках о человеке, особенно — экономике: это и коллективный труд: *The Probabilistic Revolution. Vol. 1: Ideas in History; Vol. 2: Ideas in the Sciences / L. Krüger, et al. (eds). Cambridge, MA: The MIT Press, 1987*, и отдельные монографии Л. Дастон, Ф. Мировски, Т. Портера: *Daston L. Classical Probability in the Enlightenment. Princeton: Princeton University Press, 1988; Hacking I. The Taming of Chance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Porter T. Trust in Numbers, The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995.*

¹²⁰ К античным истокам возводит генеалогию современной социальной теории Дж. МакКарти: *McCarthy G.E. Classical Horizons: The Origins of Sociology in Ancient Greece. Albany, N.Y.: State University of New York Press, 2003; Idem. Dreams in Exile: Rediscovering Science and Ethics*

мание к антропологии эпохи Просвещения (Джон Заммито¹²¹), актуальную значимость понятийно-правовых моделей раннего Нового времени и возрождение интереса к риторике социальной науки (Дрейдре МакЛоски, Аллен Мегилл¹²²).

5. Структура монографии

Три раздела книги выстроены следующим образом:

Раздел I. Анализ дисциплинарности, исходящий из современной перспективы, позволяет удержать ее проблематичное единство и видеть ее истоки. Поэтому авторы первой части монографии обращаются к XVII–XVIII вв., когда разные элементы знания о человеке еще только складываются в дисциплинарные комплексы и не являются науками в привычном нам статусе (а не смысле)¹²³. В главе *Павла Соколова* рассматривается проблематика метода применительно к тем областям знания и опыта, которые ранее веками (согласно Аристотелю) не могли быть предметом систематического, научного рассмотрения. И только с середины XVI столетия усилиями философов и ученых складываются предпосылки эпистемологического упорядочивания сферы человеческого опыта. В главе *Юлии Ивановой* предметом исследования становится история идей и гражданская наука (как самостоятельные области складывающейся «науки о контингентном»). *Наталья Осминская* на примере Лейбница подробно показывает становление идей *единства* и сложно структурированной *иерархии* знаний к концу XVII столетия, которые затем были реализованы в работе берлинской Академии наук.

in Nineteenth-Century Social Theory. Albany, N.Y.: State University of New York Press, 2009. См. замечания о неоаристотелистских сюжетах современной европейской мысли: *Volpi F.* The Rehabilitation of Practical Philosophy and Neo-Aristotelianism // Action and Contemplation: Studies in the Moral and Political Thought of Aristotle / R.C. Bartlett, S.D. Collins (eds). Albany: State University of New York Press, 1999. P. 3–26.

¹²¹ *Zammito J.H.* Kant, Herder, and the Birth of Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

¹²² The Rhetoric of the Human Sciences / J.S. Nelson, A. McGill, D.N. McCloskey (eds). Madison: University of Wisconsin, 1987; *Brown R.H.* A Poetic for Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

¹²³ *Blair A., Grafton A.* Reassessing Humanism and Science // Journal of the History of Ideas. 1992. Vol. 53. P. 529–540; *Grafton A., Siraisi N.* Introduction // Natural Particulars. Nature and the Disciplines in Renaissance Europe / A. Grafton, N. Siraisi (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 1999. P. 1–21; The Shapes of Knowledge: From the Renaissance to the Enlightenment / D.R. Kelley, R.H. Popkin (eds). Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1991.

Речь идет о таких принципах распределения знания и дифференциации методов, которые становятся своего рода прообразом будущих разделительных дисциплинарных перегородок.

Раздел II. В главах второго раздела книги показано, сколь разнонаправленными были тенденции в дисциплинарном поле социогуманитарных наук последних двух веков. С одной стороны, это поле испытывало воздействие одновременно и романтической, и сциентистской установок, а с другой — оно складывалось под прямым влиянием прагматических императивов рационализации управления и национального строительства. Одна из центральных тем, возникающих в связи с принципом дисциплинарности применительно к XIX в., — проблема дезинтеграции таких синкретических дисциплинарных формаций, как просветительская «естественная история», которая ранее интегрировала принципы изучения природного мира и социальной реальности.

В исследовании *Лорен Дагтон*, известной недавними глубокими работами по истории научной объективности, показана роль коллективных установок и традиционных структур (особенно академий наук), периодических изданий, университетской дидактики для закрепления дисциплинарных принципов¹²⁴. В центре исследования *Петра Резвых* — немецкие ученые дискуссии эпохи романтизма о статусе мифологии как особой исследовательской области (потом она станет предметом новых дисциплин и познавательных стратегий — сравнительного религиоведения, искусствоведения, философии религии и психоанализа). В главе, написанной *Владиславом Боярченковым*, речь идет о самоопределении русской науки о древностях между аналитическими, описательными и «вспомогательными» (относительно историографического гранд-нарратива) стратегиями в середине XIX столетия. *Владимир Берелович* избирает анализ риторики научного текста как способ изучения эволюции русской и украинской исторической мысли — под знаком ее онаучивания. *Мишель Тисье* в своей главе показывает сложное соотношение теоретических и практических задач в развитии российского правоведения конца XIX — начала XX вв. Он обращает внимание на то, что, с одной стороны, юридическая профессия и юридический факультет были наделены в России высоким социальным статусом и популярностью, а с другой стороны, теоретические разработки российских ученых (вроде Льва Петражицкого) шли в изоляции от эволюции права как практической специальности. Обращаясь к актуальным темам географии научно-

¹²⁴ *Veit-Brause I.* The Disciplining of History- Perspectives on a Configurational Analysis of Its Disciplinary History // Konferenser 37 — The Past of History. Stockholm: The Foundation Natur och Kultur, 1996. P. 7–29.

го знания, *Марина Могильнер*, *Илья Герасимов* и *Александр Семёнов* рассматривают эволюцию дореволюционной российской социологии не только с точки зрения научных инноваций, но и как коллективный идейный поиск решений для дилемм имперского развития. К эпистемологической проблематике возвращается *Григорий Юдин*, который подчеркивает в феноменологическом проекте Эдмунда Гуссерля характерное и неотрефлексированное раздвоение на общую регулятивную (метанаучную) идею упорядочения всех дисциплин, с разработанной иерархизацией этих сфер («региональные онтологии» и т.д.), и на отдельную программу обновления философии как одной из множества наук. Комплексный, гетерогенный характер развития психологии, вопреки позднейшим унифицирующим историко-дисциплинарным нарративам, показывает на примере отечественной науки *Антон Ясницкий*, обращая внимание на множество исследовательских программ (психотехника, рефлексология, педология), из которых потом сложилась советская психология, уже после вмешательства властей в середине 1930-х годов. Исследование *Александра Филиппова* посвящено специфике развития советской социологии как науки, внешне вполне модернизированная практика которой на деле прямо отсылает к политическим и мировоззренческим установкам XVIII столетия. Завершает раздел обобщающая работа известного историка *Рольфа Тоштендаля*, который показывает важность профессионального фактора эволюции дисциплинарного поля на материале разных европейских стран.

Раздел III. Далее, в третьем разделе монографии, представлено взаимодействие двух разнонаправленных тенденций дисциплинарного развития. С одной стороны, это бурная «эмансипация» новых идей и направлений поверх привычной сетки дисциплин, в том числе углубляющийся разрыв между прежним устройством и новыми ориентирами интеллектуального развития. С другой стороны, для этого процесса во второй половине XX в. оказалась характерна *устойчивость* прежних форм организации знания, возрождение прежних симбиозов и дисциплинарных «консенсусов»: это показано на примере таких разных областей, как лингвистика, экономика и философия.

Открывается раздел главой *Григория Юдина* об осмыслении проблематики профессий в американской социологии 1950–1960-х годов, когда проблемой рефлексии становится и сама профессия социолога. В главе *Бориса Степанова* рассмотрена противоречивая динамика Cultural Studies, которые за полвека прошли путь от отрицания дисциплинарных канонов до признания в ряде академических сообществ и конкуренции с новыми «контрдисциплинами». Можно сказать, что представители Cultural Studies пытаются играть в области наук гуманитарных ту же роль незваных носителей социально-критической рефлексии, что и адепты Science & Technology

Studies по отношению к наукам естественным. Оба критических направления пытаются быть больше чем дисциплиной и указывать «традиционным» оппонентам на их консерватизм, склонность к позитивизму, связь с патриархатом и капитализмом, а потому вызывают параллельную критику справа (дело Сокала, симметрично разворачивающиеся Science Wars и борьба вокруг гуманитарного преподавания в США конца 1990-х годов¹²⁵). Работа *Ирины Савельевой* посвящена новым форматам функционирования исторической дисциплины в постиндустриальной цивилизации, что возвращает читателей к затронутой в статье В. Береловича проблематике взаимоотношения историка и его аудитории, а также ставит вопрос об изменчивости границы «науки» и «не-науки» применительно к гуманитарным профессиям. Далее *Владимир Файер* рассматривает коллизии внутри филологического цеха на примере лингвистов и языковедов из МГУ; притом для отечественных гуманитарных наук характерно сохранение (во многом из-за советских условий — как в негативном, так и позитивном смысле) филологии в качестве общей «зонтичной» дисциплины для отраслей знания о языке, литературе и тексте, тогда как в большинстве западных академических сообществ специалисты по языкам и литературе давно уже работают совершенно независимо, а название «филология» стало историческим — для обозначения прошлого науки, антиковедения или некоторых областей компаративного литературоведения¹²⁶. Исследование *Максима Дёмина* посвящено эволюции университетской философии как профессионального сообщества при переходе от советской системы к постсоветской на рубеже 1990-х годов. *Ростислав Капелюшников* в своей работе аналитически описывает новейшие течения в экономической науке, отчасти построенные на импорте общих походов (но не объяснительных моделей) из наук о поведении. Он также рассматривает идейные предпосылки и политико-социальные следствия «поведенческой экономики», поскольку современные социальные дисциплины выступают и как экспертные инстанции. В главе *Олеси Кирчик* исследуются интернациональные факторы развития современной экономической науки и место российских экономистов в новых глобальных академических порядках. Завершает книгу совместная работа *Оксаны Запорожец* и *Александра Дмитриева* о социологическом анализе дисциплинарности в разнообразной исследовательской литературе, начиная с 1960–1970-х годов.

¹²⁵ Гронас М. Диссенсус: Война за канон в американской академии 80–90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 6–18.

¹²⁶ См. критический обзор работ Х.У. Гумбрехта и С. Лепера: Ziolkowski J.M. Metaphilology. Rev.: The Powers of Philology. Dynamics of Textual Scholarship by Hans Ulrich Gumbrecht; Error and the Academic Self: The Scholarly Imagination, Medieval to Modern by Seth Lerer // The Journal of English and Germanic Philology. 2005. Vol. 104. No. 2. P. 239–272.

Приложение. Мы помещаем в приложении к нашей монографии перевод классической работы «Древняя история и любители древностей» великого итальянского исследователя *Арнальдо Момильяно* (1908–1987), опубликованной в журнале Института Варбурга в Лондоне (Момильяно покинул фашистскую Италию еще в конце 1930-х годов). Момильяно в этой своей давней статье фактически предвосхищает темы разграничения теоретических и практических аспектов дисциплинарной работы, которые станут предметом пристального внимания науковедов ближе к концу XX в.¹²⁷

* * *

Появлению этой книги на свет способствовали благожелательное отношение и неизменная поддержка руководства НИУ ВШЭ и его Научного фонда. Особенно следует отметить заинтересованность, энтузиазм и неформальное, но очень существенное участие в реализации проекта сотрудников Института гуманитарных историко-теоретических исследований — Алексея Плешкова, Юлии Ивановой, Павла Соколова, Кирилла Левинсона и младших коллег — Александры Колесник, Анастасии Шалаевой, Сергея Матвеева, Александра Махова. Наш приятный долг — выразить им глубокую признательность и благодарность.

Предлагаемая вниманию читателей монография продолжает и аккумулирует результаты исследований ИГИТИ об университете как идее и институте, а также о феномене «национальной науки» в контексте мирового развития¹²⁸. Все эти проекты и первоначальная идея книги появились на свет благодаря талантливому человеку и замечательному ученому, с которым нам выпало счастье работать, — Андрею Владимировичу Полетаеву. Обсуждая этот замысел и отдельные части работы, ее составители и сотрудники Института не раз внутренне задавались вопросом: «Как бы А.В. отреагировал на эту идею? Что бы сделал сейчас на нашем месте? Как переформулировал бы главную мысль?» Ведь раньше мы могли быть спокойны, ибо все наши сомнения, притязания или робость всегда усмирялись и уравнивались иронией, эрудицией и великодушием Андрея Владимировича. Теперь его «неклассическое наследие» остается для нас важным ориентиром, точкой отсчета в жизненных поступках и исследовательских озарениях.

¹²⁷ О нем см. статьи в сборнике: Momigliano and Antiquarianism: Foundations of the Modern Cultural Sciences / P.N. Miller (ed.). Toronto: University of Toronto Press, 2007 (особенно работу С. Маршан).

¹²⁸ Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / под ред. Е. Аксер, И. Савельевой. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.

Раздел I

ПОРЯДКИ

И СТРУКТУРЫ

ЗНАНИЯ:

ОТ ГУМАНИЗМА

К ПРОСВЕЩЕНИЮ

ГЕНЕАЛОГИЯ МЕТОДА В НАУКАХ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МИРЕ

История дисциплинарного принципа в раннее Новое время тесно связана с двумя поистине тектоническими процессами в истории европейской интеллектуальной культуры, один из которых — экспансия в область гуманитарного знания *проблемы метода* — был безошибочно распознан и досконально изучен историками науки уже очень давно¹, в то время как другой — известный под именем *морализации модальностей* — сделался полноценным предметом исследований лишь в последние годы². И апология автономии метода в гуманитарных дисциплинах (прежде всего в истории, которую многие авторитетные теоретики, например Варфоломей Кекерманн, считали разделом логики), и валоризация моральной (исторической) модальности имели высшей целью разрешение *aporии науки о контингентном* — достоверной и рациональной науки о мире исторического опыта, возникновение которой призвано было, в числе прочего, на радикально новых основаниях переопределить смысл и границы дисциплинарного принципа в гуманитарной сфере. То, каким образом помещение во главу угла модального принципа позволило привить частные дисциплины к стволу метафизики и вместо основанных на внешних принципах дисциплинарных классификаций создать модель «интегральной науки» (*corpus integrae sapientiae*), станет предметом нашего рассмотрения в следующем разделе; здесь же речь пойдет об эволюции на протяжении XV–XVII вв. эпистемологического статуса гуманитарного знания — эволюции, в результате которой одни гуманитарные дисциплины (история) добились автономии собственного метода, а другие (протестантская филология) и вовсе заявили притязание на обладание высшей достоверностью.

¹ Приведем лишь наиболее известные исследования: *Gilbert N. Renaissance Concepts of Method*. N.Y.: Columbia University Press, 1960; *Schmidt-Biggemann W. Topica Universalis*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1983; *Steiner B. Die Ordnung der Geschichte. Historische Tabellenwerke in der frühen Neuzeit*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2008.

² *Knebel S.K. The Renaissance of Statistical Modalities in Early Modern Scholasticism // The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700* / R.L. Friedman, L.O. Nielsen (eds). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003; *Struever N.S. Rhetoric, Modality, Modernity*. Chicago: University of Chicago Press, 2009; *Ivanova J.V. Impersonality, Shame, and Origins of Sociality, Or Nova scientia ex constantia philologiae eruenda // Investigations on Giambattista Vico in the Third. New Perspectives from Brazil, Italy, Japan and Russia* / J.V. Ivanova, F. Lo-monoco (eds). Roma: Aracne, 2014. P. 109–122.

Одно из общих мест классической истории науки, впрочем, активно пересматриваемое в последние годы, состоит в том, что если до начала XVIII в. науки об обществе и истории оставались под пятой у метафизики, то уже с середины этого же столетия они попали в столь же безысходное рабство к естественным наукам. В такой трактовке те науки XVI–XVII вв., которые мы бы сейчас назвали гуманитарными, занимают место инертного, консервативного знания, чье развитие лишь следовало смене эпох в истории науки и само по себе не было способно инициировать парадигмальные трансформации в новоевропейской науке и философии. Основания для столь низкой оценки доновременного периода в истории гуманитаристики, разумеется, есть: так, в традиционной аристотелевской концепции науки — обладавшей, пожалуй, наибольшим влиянием на протяжении всего средневекового периода истории европейской интеллектуальной культуры — ни один из разделов гуманитарного знания формально не имел статуса науки (*scientia*), т.е. в соответствии со словоупотреблением того времени, аподиктического знания о вечных, необходимых и общезначимых истинах.

Разумеется, некоторые разделы гуманитарного знания, прежде всего грамматика и риторика, имели ряд атрибутов устоявшейся дисциплины: единое проблемное поле, устойчивую терминологию, дидактическую традицию, собственную институциональную территорию. Однако это не означает, что применительно к Средневековью можно говорить о «гуманитарных науках» в современном смысле: статус знания о таких «изменчивых и непостоянных объектах», как человеческие действия (*res gestae*), на протяжении всего этого периода оставался низким; причиной в значительной степени было суждение Аристотеля, в соответствии с которым «о случайном и единичном не может быть доказательства» (*Anal. post. I, 31 87b 19*), а предметом науки может быть лишь то, что присуще вещам необходимым образом. Философский авторитет Стагирита подкреплялся доктринальным авторитетом блж. Августина, который в своем сочинении «Восемьдесят три вопроса о различных предметах» предложил формулировку, превратившуюся в общее место средневековых рассуждений об эпистемологическом статусе истории: «Исторические истины таковы, что в них следует верить, но постичь их разумом невозможно»³.

³ «Существует три вида предметов веры. Первый вид — то, во что мы верим, но чего никогда не можем познать: такова история, охватывающая преходящие вещи и человеческие деяния. Другой — то, что мы познаем сразу вслед за тем, как уверуем в это: например, таковы все производимые людьми доказательства в науке о числах и в других дисциплинах. Третий — то, во что мы сначала верим, а впоследствии познаем это» (*Augustinus. De diversis quaestionibus octoginta tribus I, 48 // Augustinus. Opera omnia. Vol. VI / J. Migne (ed.). P., 1867*).

Проблема статуса исторических истин в средневековой науке возникала порой в довольно неожиданных контекстах, к примеру, в дискуссии о возможности теологии как демонстративной науки, соответствующей критериям, сформулированным Аристотелем во «Второй аналитике». Проблема эпистемологического статуса теологии заключалась именно в том, что данная дисциплина включает в себя значительное число исторических истин, каковые относятся к предметам «единичным и преходящим». Разрешение этой апории — «не может быть науки о единичных вещах, однако теология занимается единичными вещами» (*scientia non est de singularibus; sed sacra doctrina tractat de singularibus*) — оказывалось возможным лишь благодаря тому, что исторические образы Священного Писания рассматривались как аллегории и символы вечных и непреходящих истин, каковые, безусловно, могли считаться предметом демонстративной науки. Это решение предложил Фома Аквинский (а вслед за ним и такие авторитетные схоластические учителя, как Ульрих Страсбургский и Генрих Гентский): исторические истины он низвел до уровня нравоучительных примеров, *exempla*, не относящихся к числу «необходимых положений» теологии⁴. Оппоненты св. Фомы, к примеру Петр Иоанн Оливи, справедливо указывали на разрушительные последствия предложенного им решения для самой теологии, ибо контингентные истины (такие, как сотворение мира или боговоплощение) составляют самое сердце христианского вероучения⁵. Однако ни категория исторического смысла (*sensus historicus*) в библейской экзегезе, ни понятие исторической истины (*veritas historica*) в историографии, ни *contingentia* в схоластической логике и метафизике не могли стать территорией формирования интегральной науки о социально-историческом мире. Не могла эта наука возникнуть и в лоне а- и антитеоретического гуманистического движения, принципиально не заботившегося о возведении *studia humanitatis* в ранг науки; конструктивные результаты критической работы гуманистов могли быть в полной мере использованы лишь позднее теми авторами, философские притязания которых не вызывают сомнений, — такими, как Петр Рамус (1515–1572) или Джамбаттиста Вико (1668–1744).

* * *

Роль Петра Рамуса в истории гуманитарной эпистемологии определяет прежде всего тем, что он, подвергнув радикальной ревизии аристотелевскую модель науки, существенным образом расширил область применения

⁴ *Thomas Aquinas. Summa theologiae. Ia. Q. 1. A. 2. Ad. 2.*

⁵ См.: *Piron S. Le métier de théologien selon Olivi. Philosophie, théologie, exégèse et pauvreté // Pierre de Jean Olivi — Philosophe et théologien / C. König-Pralong, O. Ribordy, T. Suarez-Nani (eds). Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2010. P. 50.*

способности суждения (*judicium*), включив в нее, в числе прочего, и историю. В рамках рамистской концепции анализа (*analysis ramea*) сферой деятельности суждения становится описание (*descriptio*), а не доказательство (*demonstratio*): тем самым, история — согласно распространенному в науке раннего Нового времени определению, представляющая собой «описание без доказательства» (*descriptio sine demonstratione*)⁶ — становится привилегированной *материей метода*⁷. Условиями возможности исторического метода у Рамуса были, во-первых, пересмотр аристотелевской иерархии достоверности аргумента, а во-вторых — экспансия метода за пределы оперирующей аподиктическими доказательствами *scientia* (напомним, что для таких авторов, как Варфоломей Кекерманн, невозможность собственного метода истории обосновывалась именно тем, что метод является «формой дисциплины»⁸).

Прежде всего, Рамус отверг традиционное, идущее от позднеантичного комментатора Аристотеля Александра Афродисийского, деление аристотелевой логики на аподиктическую, диалектическую и софистическую. По его мнению, такое деление игнорирует принцип гомогенности, соблюдение которого, согласно самому же Аристотелю, как раз является конститутивной чертой всякой науки. Рамус считает, что область необходимо истинных положений (наука) и область положений вероятных (мнений) не могут подчиняться разным принципам: у них должна быть единая логика — именно поэтому и не имеет смысла деление логики на аподиктическую и диалектическую. Этой тотальной логике Рамус предлагает вернуть ее древнейшее название — диалектика⁹. Он полагает, что диалектика отделилась от логики в результате того, что в логику стали включаться элементы риторики (что само по себе уже являлось нарушением принципа однородности дисциплины). Диалектика претерпела контаминацию с софистикой: «Когда к союзу разума и красноречия начали относиться с презрением и древний обычай

⁶ Определение Федора Газы из комментария к «Истории животных» Аристотеля, популярное среди европейских аристотеликов.

⁷ История «более прочего пригодна для того, чтобы представлять ее при посредстве искусства суждения» (*intra hanc artem [sc. judicium] commodissime continebitur*) — читаем мы в «Диалектике» 1543 г.

⁸ «Метода нельзя найти нигде, кроме как в дисциплинах, формой которых он и является. А коль скоро История — не дисциплина, то очевидно, что она не имеет и метода, т.е. собственной формы, отличной от форм иных дисциплин». Цит. по: Иванова Ю.В., Соколов П.В. Кроме Декарта: размышления о методе в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2011. С. 221 (пер. В.Л. Иванова).

⁹ «Диалектика — это искусство правильного рассуждения; о Логике говорится в том же смысле» (*Petrus Ramus. Dialecticae libri duo. Spirae: Bernardus Albinus excudebat, 1591. P. 11*).

упражнять одновременно ум и язык был предан забвению, диалектика стала вотчиной Софистики и младенческой болтовни¹⁰, и присущее ей изначально достоинство «царицы и богини всех наук» оказалось утрачено. В то же время, различие логики и риторики, с точки зрения Рамуса, необходимо, потому что оно зиждется на фундаментальном различии основных способностей человеческой души:

От природы человек наделен двумя всеобщими и универсальными дарованиями: Разумом [Ratio] и Речью [Oratio], и наука Разума — это диалектика, а Речи — грамматика и риторика¹¹.

Реабилитация диалектического аргумента позволяла истории выйти из тупика: если наука не тождественна аподейксису, то и история может претендовать на статус дисциплины с не меньшим основанием, чем сама метафизика.

Еще одна важная для истории гуманитарной эпистемологии новация Рамуса заключается в том, что его метод служит для упорядочения и «прояснения» знания, а не для достижения аподиктической истины, как *scientia* аристотеликов. Центральный раздел рамусовой диалектики — суждение, продвигающееся от аксиом (соединение двух аргументов, или топосов, в субъект-предикатной конструкции) посредством силлогизма к собственно методу, т.е. «дианоие однородных аксиом». Главная функция суждения (аксиомы, силлогизма и самого метода) — не построение доказательства, а организация материала, расположение его в надлежащем порядке. Применение метода уместно и тогда, когда приходится иметь дело с «общезначимыми и необходимыми» аксиомами, и тогда, когда речь идет обо всех тех вещах, «о которых мы намерены учить легко и ясно», как выражается Рамус. Поэтому в «Диалектике» Рамус говорит об универсальной роли метода, который следует применять не только в умозрительных науках, но и в таких областях знания, как история, риторика, поэзия, — т.е. при чтении сочинений любых авторов, к какой бы сфере знания или практики их тексты ни принадлежали¹².

¹⁰ Ibid. P. 4.

¹¹ «Диалектика исследует все силы человеческого разума, направленные на постижение и упорядоченное расположение вещей; грамматика следит за соблюдением правил этимологии и синтаксиса в речи и на письме» (*Idem. Rhetoricae distinctiones in Quintilianum. P.: A. Wechelium, 1559. P.18*).

¹² «Метод может прилагаться не только к материи искусств и наук, но и к любым предметам, о которых мы намереваемся учить просто и ясно. Поэтому всякий раз, когда поэты, риторы, разного рода писатели предполагают научить чему-либо свою аудиторию, они желают действовать именно таким образом, хотя и не всегда вступают на этот путь и не всегда преуспевают на нем» (*Idem. Dialecticae libri duo. P. 101*).

Именно эта индифферентность метода к различению теоретической науки, искусств и разделов *studia humanitatis*, подобных истории, позволяла обосновать существенное расширение возможностей историографии. Во-первых, универсалистская трактовка метода сделала допустимым введение истории в новую «методологическую» модель науки наравне с теоретическими дисциплинами — такими, как философия, математика, физика, — потому что единство метода делало бессмысленным противопоставление «знания» и «доксы», «контингентного» и «необходимого», «доказательной науки» (*scientia demonstrabilis*) и уже упоминавшегося нами «описания без доказательства». Во-вторых, в историческом «материале» была открыта потенция к предметному упорядочению — к нахождению и применению метода в его освоении и при его изложении: история впервые предстала не только как последовательность событий или последовательность повествования о них, но и как система — *система общих мест*¹³.

Уравнивания топического аргумента в правах с аподейксисом было, однако, недостаточно для возведения истории в ранг науки: коль скоро, согласно Аристотелю, всякая наука должна быть об общем (*kat'holon*), в истории необходимо было найти универсалии. В гуманистической историографии такие универсалии, как ни парадоксально, были: это было возможно благодаря сращению истории и риторики. Этот синтез был выгоден обеим сторонам: риторы охотно обращались к истории, чтобы почерпнуть из нее нравоучительные примеры, *exempla*, а историки благодаря риторике обретали общие понятия, *universalia*, — согласно Аристотелю, необходимое условие любой науки. Риторическая историография гуманистов получала возможность внести порядок в историческую стихию, подводя события и действия людей под готовые этические категории. Так, в знаменитом предисловии к «Истории Фердинанда, короля Арагонского» Лоренцо Валлы апология истории строится на отождествлении универсалий и нравоучительных примеров; авторитету Аристотеля противопоставляется авторитет Цицерона, называвшего историю «наставницей жизни». Рассуждение Валлы имеет своей предпосылкой титанический проект по ревизии всей восходящей к Аристотелю традиции европейской метафизики¹⁴. Валла развенчивает базовые понятия философского языка Аристотеля—Порфирия—Боэция: 10 категорий, шесть трансценденталий, предикабилии объявляются лингвистическими фикциями, плодом варварского искажения языка¹⁵. Основой критического

¹³ См.: *Schmidt-Biggemann W. Topica universalis.*

¹⁴ Ревизия эта была осуществлена в первой книге «Перекапывания диалектики и философии» (*Lorenzo Valla. Repastinatio dialecticae et philosophiae, 1439*).

¹⁵ Подробнее о критике Валлой Аристотеля см.: *Nauta L. In Defense of Common Sense. Lorenzo Valla's Humanist Critique of Scholastic Philosophy. Harvard: Harvard University Press, 2009. P. 13–82.*

импульса Валлы была интуиция, деструктивный потенциал которой был соразмерен ее теоретической неопределенности: апелляция к реальности «как она есть». При этом под категорию реальности Валла подводит целый ряд разноприродных инстанций: лингвистический узус (*consuetudo, usus communis*), здравый смысл, историческую действительность.

Примечательно, что базовые категории аристотелианской метафизики и стереотипы риторической историографии суть, согласно Валле, два вида одного и того же заблуждения. И нравоучительные примеры (*exempla*) в ренессансной придворной парадной историографии, и категории, предикабилии и трансценденталии схоластов суть следствие проекции ментальных операций на действительный мир. Чисто мыслительные дистинкции, производимые адептами метафизики, — к примеру, отделение качества от субстанции, игнорирующее то обстоятельство, что в реальных объектах то и другое пребывает в неразрывном единстве (так, «белизна» может существовать лишь в белых предметах, а не сама по себе), — родственны способу работы с эмпирическим материалом ренессансных историков-гуманистов, предпочитающих описывать не конкретных персонажей, а моральные характеры — королей «вообще» или шутов «вообще» (*in genere*). Очевидно, что для Валлы эти историографические универсалии ничуть не более реальны, чем метафизические универсалии схоластов. Валла понимает универсальное не как общезначимое, а как типическое выражение аутентичного исторического содержания (в этом смысл учения Валлы о «вымышленных речах»¹⁶ — персонаж должен произносить речь не для того, чтобы преподнести нравственный урок, а для того, чтобы его речь отражала дух эпохи). Универсалии Валлы — это «голос самих вещей», своего рода автокомментарий исторических *imagines agentes*: суггестивное значение этих универсалий зиждется не на этической притягательности, а на аутентичности.

Инициированная Валлой ревизия статуса универсалий и, тем самым, аристотелевской науки в целом нашла продолжение в идее «науки о единичном» известного гуманистического писателя-цицеронианца Чинквеченто Марио Низолио (1488–1567). Низолио¹⁷ поставил цель соединить «перекапывание диалектики» Лоренцо Валлы, диалектическую логику Рудольфа Агриколы и номиналистическую критику реальности универсалий (*falsitas Universalium realium*) в рамках единой антиметафизической программы¹⁸.

¹⁶ О понятии вымышленных, или «сочиненных», речей (*orationes confectae*) у Валлы см.: Janik L.G. Lorenzo Valla: The Primacy of Rhetoric and the De-Moralization of History // *History and Theory*. 1973. Vol. 12. No. 4. P. 389–404.

¹⁷ В трактате «Об истинных началах и истинном основании философствования против псевдофилософов» (1553).

¹⁸ Nauta L. False Friends. Semantics and Ontological Reduction // *Renaissance Quarterly*. 2003. Vol. 56. No. 3. P. 614.

По мнению Низолио, «Валла обрубил ветви, но сохранил в неприкосновенности ствол» варварской философии схоластов. Валла оказался недостаточно радикален в своей критике: он сделал значительный шаг вперед, продемонстрировав исключительно знаковую, нерепрезентативную природу базовых категорий европейской метафизики (шести трансценденталий, пяти предикабиллий и десяти категорий), однако, во-первых, не довел до конца деконструкцию этих понятий (например, сохранив из аристотелевских категорий категорию действия), а во-вторых, не сумел на новых, неметафизических, основаниях сформулировать положительную задачу философии, каковой, согласно Низолио, является «постижение всех единичных вещей» (*comprehensio universorum singularium*), точнее — «одновременное постижение всех единичных экземпляров каждого рода». Соответственно, главной операцией во всех науках и искусствах должна быть не абстракция, а «философское и риторское схватывание» (*comprehensio philosophica et oratorica*), которое Низолио определяет так:

Операция или действие нашего интеллекта, посредством которого человеческий ум охватывает все единичные экземпляры каждого рода одновременно и разом и создает из постигнутого им все науки и искусства, а также строит рассуждения и разного рода доказательства¹⁹.

Строго говоря, «схватыванию» Низолио в схоластике соответствует первая операция интеллекта, т.е. «постижение простых содержаний», а вовсе не абстрагирование; единичная же вещь занимает место не универсалии, а понятия или, в риторико-диалектической традиции, аргумента. Критика Низолио бьет мимо цели — однако нам важна не справедливость предъявляемых им аристотеликам аргументов, а его собственная «теория науки». Согласно Низолио, коль скоро в природе нет ничего, кроме единичных вещей и состоящих из них множеств, предметом интеллекта должно быть именно единичное, а не химерическая универсалия: к примеру, медик постигает не универсальный нерв, а в одномоментном акте схватывает все множество нервов.

В то же время беспроblemность конструкции науки у Низолио основана на одной предпосылке: он полностью игнорирует историческое измерение социального мира — его «обновленная философия» не принимает в расчет существенную историчность человеческого существования. В значительной степени именно по этой причине *scientia de singularibus* Низолио оказалась несоразмерна проекту интегральной науки о социально-историческом мире, которая была призвана объединить в себе филологию, историю, герменевтику, риторику и «политику» в новом, возникающем именно в раннее Новое

¹⁹ *Nizolio M. De veris principiis et vera ratione philosophandi contra pseudophilosophos. Libri IV / Q. Breen (a cura di). Roma: Fratelli Bocca editori, 1956. P. 80.*

время, смысле этого слова. Неслучайно поэтому автор, заложивший основания гуманитарной эпистемологии в своей «новой науке», недвусмысленно понимаемой как история, — Джамбаттиста Вико — полностью игнорирует номиналистическую критику метафизики и без колебаний повторяет слова Аристотеля схоластов: «Наука должна быть об универсалиях» (*scientia debet esse de universalibus*)²⁰. Именно динамическое отношение между «Вечной Идеей» мира человеческих наций и эмпирическим субстратом социальной жизни, а вовсе не статичное и недифференцированное множество единичных вещей, станет у Вико предметом его «новой науки».

В нашем анализе предьстории гуманитарной эпистемологии, основными этапами которой были, в избранной нами оптике исследования, постулирование единства метода у Рамуса, критика аристотелевских категорий с позиций неуловимой «реальности» у Валлы и реабилитация «науки о единичном» у Низолио, мы остановились на пороге барочных «гражданских наук» (*scientiae civiles*), воплотивших притязание на создание индифферентной к дисциплинарному принципу интегральной науки об историческом мире. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению *scientiae civiles*, нам следует остановиться на противоположной тенденции в ранненовоязычной теории науки: эту тенденцию мы могли бы охарактеризовать как своего рода *дисциплинарный монизм* или, иначе, как претензию некоторых частных наук на *метадисциплинарный статус*.

* * *

В раннее Новое время структура дисциплинарного поля кажется едва ли не более ригидной, чем даже в классический период истории науки, — виной тому классифицирующий дискурс, господство которого утверждается в классицистическую эпоху, и большая строгость критериев дисциплинарной демаркации. Кристаллизации дисциплинарных границ способствовал целый ряд «внешних» факторов: расцвет — благодаря книгопечатанию — визуальных способов представления материала, экспансия пространственной метафоры в «массовой» научной литературе эпохи (*индустрия loci communes*), дихотомическое строение науки, пристрастие к классификациям и схемам, одним словом, все то, что принято называть геометризацией картины мира и рождением «пространственного воображаемого» (*spatial imagery*) в научном мышлении модерна. Жесткость дисциплинарных схем, в которых смешивались рамистские и аристотелевские критерии классификации, существенно деформировала те «гуманитарные» содержания, которые предполагалось

²⁰ «Следующие Положения, с V по XV, дающие нам основания Истины, служат нам для рассмотрения этого мира наций в его Вечной Идее, так как именно таково свойство каждой науки, указанное Аристотелем: *Scientia debet esse de Universalibus et Aeternis*» (*Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / пер. с итал. А.А. Губера. М.: Ирис; Киев: REFL-book, 1994. С. 80*).

вписать в их прокрустово ложе. Отсюда дробная специализация и синкретический характер тех гуманитарных «дисциплин», которым авторы барочных энциклопедий отводили место на задворках своих *opera magna* (в разделах с характерным названием «смеси дисциплин»), отсюда же и странное соседство этих дисциплин с такими экзотическими на наш современный вкус разделами знания, как табакология, проэмиография (наука о написании предисловий) и парадоксология. Парцелляция поля гуманитарного знания была обусловлена, разумеется, не только жанровыми особенностями барочной энциклопедии: свойственный дисциплинам филолого-герменевтического цикла в эпоху Высокой критики (да и позднее) демонстративный отказ от «теории» в пользу «техники» имел следствием их самоизоляцию и тщательную заботу о неприкосновенности своей территории от внешних посягательств (прежде всего, со стороны философов). В действительности, однако, вызывающий эмпирический изоляционизм филолого-герменевтических дисциплин и их сосредоточенность на технике в ущерб «теории» сами по себе предполагали очень важное эпистемологическое решение. Более того, «эрудитская» наука раннего Нового времени подчас выступала с чрезвычайно радикальными эпистемологическими притязаниями. Некоторые протестанты-апологеты критического искусства заходили так далеко, что считали возможным произвести принцип предельной достоверности — по образцу картезианского «незыблемого основания достоверности» (*fundamentum inconcussum*) — непосредственно из филологического принципа аутентичности.

Протестантская филология являет нам пример дисциплинарного интервенционизма «нового типа», т.е. такой дисциплинарной экспансии, образцом которой уже в Новое время можно считать, скажем, встретившую дружный отпор со стороны философов и логиков экспансию психологии в период хрестоматийно известного «спора о психологизме» (*Psychologismusstreit*) конца XIX — начала XX вв. Филология — в рассматриваемый период дисциплина с развитым самосознанием, жестко структурированным концептуальным аппаратом, логически обоснованной автономией и достаточно агрессивной стратегией поведения — начинает претендовать на то, чтобы занять место философии в обосновании единства гуманитарного знания. Рост «метафизических» притязаний филологии особенно отчетливо можно увидеть на примере библейской критики.

В протестантском богословии были заложены потенции к созданию полностью автономной концепции науки, опирающейся на собственный «несокрушимый фундамент». Этим «фундаментом» у таких авторов XVI в., как Джон Уитакер, стало положение о боговдохновенности Писания, обладающее статусом «не подлежащей доказательству аксиомы»²¹, которая имеет ту же функцию, что начала для всех наук и искусств (*quaenamodum*

²¹ См.: *Van Den Belt H. The Authority of Scripture in Reformed Theology: Truth and Trust. Leiden: Brill, 2008. P. 123.*

artes suis principiis nituntur). Термин *axioma anapodeikton* у кальвинистских богословов отсылает ко вполне определенным античным текстам — прежде всего, «Комментарии к Первой книге “Начал” Евклида» неоплатоника Прокла, греческий текст которого был издан в 1533 г. другом и корреспондентом Кальвина гуманистом Симоном Гринеем. Как полагал современник Уитакера, Антуан де ля Рош Шандье, из этой первой аксиомы о боговдохновенности Писания все остальные положения могут быть аподиктически выведены: «В Священном Писании нет ни одного места (*locus*), которое не обосновывалось бы первым положением: все места Писания получают свою силу от первой аксиомы»²². Позднее, в середине XVII столетия, Лодевейк Мейер, нидерландский эрудит и близкий друг Спинозы, отождествит *axioma anapodeikton* кальвинистов и «несокрушимое основание достоверности» Рене Декарта.

Однако для нас важно то, что *самоочевидность* (*αὐτοπιστία*) для авторов популярных протестантских учебников общих мест, таких, как Уильям Уитакер или А. де ла Рош Шандье, отождествляется в самом буквальном смысле с *аутентичностью* текста: для того чтобы найти основание достоверности, следует обратиться к самой древней версии Библии. Именно этот текст должен стать нормой толкования и разрешения всех богословских трудностей. Уитакер в полемике с тридентскими защитниками авторитета Вульгаты отождествлял самоочевидность (*αὐτοπιστία*) и аутентичность (*αὐθεντία*)²³. Этой позиции придерживались многие очень авторитетные протестантские богословы, например Франциск Гомар, полагавший, что только оригинальные еврейские и греческие тексты могут считаться «самоочевидными» в том же смысле, в каком мы говорим о самоочевидности геометрических аксиом. Известный эрудит и издатель авторитетнейшего в Республике ученых журнала «Acta eruditorum» Жан Леклерк приводит выдержки из канона некоей общины гельветских (т.е. швейцарских) протестантов, обращенные против нечестивых критиков, которые дерзают исправлять масоретскую Библию посредством Септуагинты, говорить об исторической изменчивости библейского текста или предполагать, что помимо масоретской версии Библии были еще и другие. За карикатурным образом швейцарских фанатиков стоит в действительности оппозиция конкурирующих эпистемологических принципов. Возведенному в абсолют принципу филологической аутентичности гельветские варвары-«аллоброги», как окрестил их Леклерк, лишь придали догматическое значение. Многие гуманистические филологи склонны были ставить филологию на место философии. Именно с этих позиций эрудиты отваживались бросить вызов новой философии — так, сын

²² Ibid. P. 124.

²³ Ibid. P. 126.

Исаака Казобона Мерик объединял в причудливый союз Бэкона с его эмпиризмом и Декарта с его критикой, полагая, что именно они ответственны за наступивший в его время (т.е. в конце 1660-х годов) упадок гуманизма. О таких филологах с философскими амбициями еще Галилей писал в письме к Кеплеру:

Этот род людей полагает, будто философия — это такая книга, на манер Энеиды или Одиссеи, и что истина может быть найдена не в мире и не в природе, а в коллациях текстов (пользуясь их собственным языком)²⁴.

Впрочем, протестантские филологи-критики так и не смогли доказать философам пользу обращения к истокам; использование же философских методов как логико-технических средств интерпретации текста было слишком очевидно механическим и внешним, на что пронизательно указал Бенедикт Спиноза в своем «Богословско-политическом трактате» (1670). Неудача предпринятой адептами «священной филологии» попытки отождествить смысл — базовую категорию гуманитарного знания — и филологическую аутентичность продемонстрировала невозможность построения гуманитарной эпистемологии из перспективы одной дисциплины, какими бы значительными ни были достигнутые ею критические успехи (разоблачение «Константинова дара», герметического корпуса и многое другое) и сколь ни была бы велика мощь ее методологического инструментария. «Монистская» модель интеграции гуманитарного знания потерпела неудачу. Словно в наказание за гордыню филология претерпела внутренне разделение: одна ее часть, эрудитское «пересчитывание слогов», превратилась в специализированную дисциплину (*Fachwissenschaft*), предшественницу немецкой «геллертерской» филологии, в то время как другая, образовав синтез с философией, сделалась основанием гуманитарной эпистемологии — «нового критического искусства», при этом пожертвовав, однако, дисциплинарной автономией. Но это произошло уже позднее: Джамбаттиста Вико в письме к Леклерку от 18 октября 1723 г. описывает все ту же диспозицию, которую мы могли наблюдать на протяжении всего XVII столетия: есть философы, убежденные во всемогуществе своего метода и потому совершенно игнорирующие историю, литературу и право, — и филологи, так привязанные к древним текстам, что считают преступлением малейшее отступление от их буквы²⁵. И кто же, как не он, мог поставить столь неутешительный диагноз: ведь именно Вико стал тем человеком, который, создав подлинно *новое* критическое искусство, сумел положить конец этой «странной войне».

²⁴ Цит. по: *Grafton A. Defenders of the Text: The Tradition of Scholarship in an Age of Science, 1450–1800.* Harvard: Harvard University Press, 1994. P. 2.

²⁵ *The Correspondence of Giambattista Vico, Jean Le Clerc, and Others, Concerning the Universal Right // Universal Right / G. Pinton, M. Diehl (transl and eds).* Amsterdam: Editions Rodopi B.V., 2000. P. 725.

Научное издание

**Науки о человеке:
история дисциплин**

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *К.А. Левинсон*
Художник *В.П. Коршунов*
Компьютерная верстка: *О.А. Иванова*
Корректор *В.И. Каменева*

Подписано в печать 24.08.2015. Формат 70×100 1/16
Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 53,3. Уч.-изд. л. 45,2. Тираж 300 экз. Изд. № 1800

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10